

ВИТАЛИЙ ГАДИЯТОВ

ЗОЛОТО НАРОДА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Виталий Гадиятов

Золото народа

«ВЕЧЕ»

2018

Гадиятов В. Г.

Золото народа / В. Г. Гадиятов — «ВЕЧЕ», 2018 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7719-5

Остросюжетный роман «Золото народа» рассказывает о событиях, произошедших в колымской тайге накануне войны, о трагедии заключенных ГУЛАГа, добывавших северное золото, и об отголосках той давней трагедии во дни нынешние.

ISBN 978-5-4484-7719-5

© Гадиятов В. Г., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виталий Гадиятов

Золото народа

Знак информационной продукции 12+

© Гадиятов В. А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

Глава 1

Эта командировка на Север, куда Иван приехал по заданию фирмы, начинала его утомлять. Почти месяц прошел, как он уехал из дома, а результатов было немного. Теперь он ждал груз, который должен был баржей прийти с верховьев Лены, но он где-то застрял. Иван уже поднял начальство речного порта, звонил в пароходство. Его утешали, просили подождать, и в итоге – полное бездействие. Не теряя времени, он занялся еще одним делом. За неделю Иван обошел все инстанции. Побывал он в ФСБ, в военкомате, в архиве, но нигде никаких следов, никаких зацепок не нашел. Да, в том районе были десятки сталинских лагерей. Самых разных лагерей. Ну и что? Этот факт теперь был известен. Среди лагерей были даже женские, а один, по рассказам очевидцев, стоял недалеко от этого поселка.

«"Малиновый звон" – вон как здорово звучало его название, – думал Иван, вспоминая о своих похождениях по властным структурам, – а как только представишь, сколько в том лагере людей погибло, жутко становится».

В основном все лагеря стояли вдоль Магаданской трассы. Но в том месте, которое его интересовало, лагеря никогда не было.

Слабым утешением стала встреча с геологами. Поговорить с ними посоветовала директриса местного краеведческого музея Лиля Андреевна. Здесь Иван провел всё утро и не пожалел.

– Геологи наши места знают лучше всех, – как птичка, щебетала немолодая женщина. – Они занимаются составлением геологических карт и поисками полезных ископаемых. А для этого, молодой человек, надо всю площадь планшета заходить маршрутами. Это значит – всё пешком, всё своими ногами. Вот и представьте себе, кто тут может с ними сравниться!

– А охотники, оленеводы?

– Ну что вы! У тех совсем другие задачи. Так далеко они редко заходят. Им там нечего делать. Не забывают, молодой человек, в нашем районе горы, поэтому не везде ещё пройдешь. А вот геологи порой залезают в такую глухомань или на такие высоты, что даже страшно становится. Но музею их работы только помогают. А вообще когда люди не сидят на одном месте, а находятся в постоянном движении, у них больше шансов встретить что-нибудь интересное. Ну и они, конечно, больше видят, кругозор у них пошире.

Она как-то странно посмотрела на Ивана, и ему показалось, что директриса считает его полным дилетантом в таёжной жизни.

– Путешествия, маршруты – это всё очень интересно и увлекательно, – продолжала хозяйка музея, – однако для их проведения необходима ещё материальная поддержка. Конечно, такие мероприятия лучше проводить как-то организованно. У вас, молодой человек, я думаю, всё ещё впереди. Я уверена – вы всё успеете. У вас всё получится.

Лилия Андреевна улыбнулась, и её улыбка сразу растопила ледок, появившийся в душе Ивана. Ему стало легко.

– Вот эту коллекцию триасовой фауны составил Алексей Владимирович.

Она показала на окаменелые ракушки, лежавшие в застекленном шкафу. Возле каждой из них примостилась аккуратная этикетка, написанная на латыни.

– Тут целый стратотипический разрез. Ну, как это понятней сказать...

На секунду директриса замялась, подбирая слова из сложной геологической терминологии.

– Этот впервые описанный разрез – эталон эрчинской свиты триасового возраста, – уточнила Лилия Андреевна. – То есть на основании этого разреза выделяют похожие образования в других районах. Понимаете?

Иван послушно кивнул, хотя толком не понял, каким образом это делают. А директриса увлечённо рассказывала дальше.

– Кстати, вы представляете, каждой такой ракушке не один миллион лет! Можно сказать, что они были свидетелями зарождения жизни на земле.

Лиля Андреевна перешла к другой витрине. В ней камней уже не было.

– А вот предметы быта оленеводов прошлого столетия, – показала она Ивану. – Их тоже нашли геологи. Ну а про сталинские лагеря – то, о чем вы спрашиваете, – это другой разговор, – резко переменив тему, посмотрела она на него.

– Лагеря – это наша боль, это наши слёзы, – тяжело вздохнув, сказала Лиля Андреевна. – Тысячи человек прошли через них. К счастью, теперь это уже история.

Потом она долго и со знанием дела говорила на эту тему, называла десятки людей, отбывавших заключение в этих местах. Многие из них были известны всей стране. Лиля Андреевна показала даже схему, на которой были показаны места расположения сталинских лагерей. Они были разбросаны по всему листу и волнистой линией тянулись вдоль Магаданской трассы. В одном месте кресты цепочкой уходили на север. Как оказалось, от этого развилка трасса шла на Верхнетурск. В тех местах заключённые разведывали и добывали оловянную руду – вот туда и тянулась эта извилистая линия. Но северную трассу в отличие от Магаданской успели проложить только до Тальникового. Этот посёлок особняком стоял в горах, и дальше пошёл зимник, обозначенный на карте пунктиром. Поэтому крестов там было поменьше, но они все равно стояли. Стояли, потому что города и посёлки строились руками заключённых. Они разрабатывали месторождения полезных ископаемых, заготавливали лес – осваивали огромные территории Северо-Востока страны. Восточней этой цепочки крестов – там, где у Ивана был нанесен прямоугольник, ни одного, даже самого маленького крестика он не увидел.

Иван узнал, что планшет, куда входили интересующие его места, снимал его тезка – Иван Васильевич Сеницын. В то время он был начальником геолого-съёмочной партии, которая проводила там работы. Сеницын значился и главным автором отчета, составленного по итогам этих работ. Геологическую съёмку проводили лет двадцать назад, и, естественно, многое он позабыл. Да и вообще-то было отчего: после той работы Сеницын составил уже не одну карту на другие площади и написал с десятков приличных отчетов. Но всё же главное он помнил. В первую очередь это касалось его непосредственной работы.

Сначала Сеницын обстоятельно расспросил Ивана о предмете его интереса в этом труднодоступном районе и, видно, когда удовлетворился ответом, перешел к делу.

– Площадь листа у нас была порядка четырех тысяч квадратных километров и всюду только горы, – протирая очки, спокойно начал Сеницын. – Одни горы. Ну, в общем, карту мы сделали нормально. За геологию я ручаюсь.

Он был очень молоджавым и крепко сложенным. От него исходила какая-то убежденность в своей правоте и уверенность в своих силах.

– С соседними листами у нас получилась практически полная увязка, а такое в картосоставительстве не часто бывает. Обычно выходит какая-нибудь нестыковка: то границы не совпадают, то возраст не тот. Словом, сложностей здесь хватает, у нас же, скажу я вам, всё получилось нормально. – Он говорил не спеша, выдерживая паузу, и Иван сразу подумал, что Сеницын неплохой докладчик. – А вот с поисками, надо признаться, не все прошло так гладко, – продолжал Иван Васильевич. Он даже поморщился и почесал затылок. – Понимаете, район тяжелый, высокогорье, глубоко врезанные долины. И самое неприятное, что там практически нет руслового материала. В таких условиях нормальные поиски не проведёшь. А мы ведь в основном искали шлихованием. Это метод поисков такой, – посмотрев на него, пояснил Сеницын. – В лотке промываешь пробу, и в конце там остаются только тяжелые минералы. Для промывки желательно, чтобы был песочек с камушками и с глиной. В такой массе лучше сохраняются тяжёлые минералы.

В дверь тихо вошёл невысокий плотный мужчина. Иван Васильевич встал из-за стола и, поздоровавшись, попросил его зайти позднее.

– Кое-как наши промывальщики лоток наскребали, – продолжал Сеницын, – выхода тяжелой фракции в шлихе практически никакого. Понимаете, нет его: всё смывается в этих горных реках – не успевает он накапливаться. Условия не те. При опробовании нам бы надо было побольше брать материала: ну хотя бы по два-три лотка. Тогда бы, глядишь, и пробы были более представительными...

– А почему же не брали? – спросил Иван. – Что вам помешало?

На висках у того была седина, а на лбу едва обозначились залысины. Через очки на собеседника смотрели живые чёрные глаза.

– Все же было в ваших руках. Вы специалисты...

– Согласен, молодой человек, согласен. Хватились поздно. Когда в лаборатории стали смотреть шлихи, ту площадь уже отработали. Ну и главное, – опыта, конечно, было маловато – не каждый день в таких экстремальных условиях работаешь. Хотя вроде бы вся территория у нас не подарок: везде горы. Короче, часть опробования мы провели не лучшим образом. Теперь можно прямо сказать – запороли.

Последние слова Сеницын произнес резко и, как показалось Ивану, сердито. Он тяжело вздохнул и продолжил уже помягче:

– Но пара проб выскочила с очень приличным содержанием золота – промышленные концентрации. Вот это до сих пор меня и беспокоит. Таких проб больше не было ни в одной точке на всей площади нашего планшета.

На лбу у Сеницына выступила испарина. Он покраснел, и Иван увидел, что ему стало не по себе.

– К величайшему сожалению, заверить мы их не смогли, – справившись с собой, продолжал Сеницын. – Пошли дожди, все ручьи и реки прямо на наших глазах вспучились. А когда такая большая вода, туда лучше не соваться – гиблое дело. Представляете, что творится, когда широкую реку загоняют в такую узкую горловину?

Он развёл и резко свёл руки, изображая горловину воронки. У него получился хлопок. В тишине небольшого кабинета он прозвучал как выстрел.

– Возле этой щели вода поднимается и потом с ревом устремляется вниз. Смотреть страшно – там всё кипит.

Сеницын в такт своим словам покачал головой. Было видно, что воспоминания о прошлом его увлекли, вернули в молодость.

– А еще к тому же, скажу я вам, там водопадов уйма. По ним не подняться, не спуститься. Кстати, на будущий год мы туда уже не попали. А зря! Надо было бы там еще поработать. До сих пор корю себя за то, что дело практически не довел до конца.

– Ну вы же лист засняли, отчет написали. Как я понимаю, своё задание полностью выполнили. Никаких...

– Это ещё не все, – остановил его Сеницын, – мы, может, месторождение пропустили, а вы говорите – задание выполнили. Молодой человек, вы представляете себе последствия такой работы? Теперь на ту площадь могут долго не вернуться.

Сняв очки, Сеницын посмотрел на Ивана.

– Кстати, я в отчете написал, что район перспективен на золото. Теперь с высоты своего опыта я могу даже сказать, что золотоносность того района может быть связана с кварцевыми жилами. Есть такой тип золотого оруденения. Да, впрочем, что теперь толку, – с сожалением в голосе сказал геолог. – Поздно, молодой человек, поздно. Всё нужно делать вовремя. Учтите это на будущее, может, пригодится. Любое дело надо суметь реализовать и довести до конца. И делать это следует сразу, так как такая возможность может больше не повториться.

– Да, может не повториться, – словно успокаивая его, сказал Иван. – Госпожа удача – дама капризная.

Больше Ивану повезло со старшим геологом Виктором Ивановичем Коротковым. В отличие от поджарого Синицына тот был высоким и с приличной лысиной. Но так же без бороды – без чего Иван до сих пор не представлял геологов. Первый раз на съемку Виктор попал ни куда-нибудь, а в партию самого Синицына, которого в экспедиции считали сильнейшим съемщиком. В то время он только окончил университет и был полон сил и неуёмной энергии. Из маршрутов Виктор почти не вылезал. Утром они уходили со стоянки и до позднего вечера мотались по горам. И так он «отмолотил» весь тот полевой сезон. Потом, когда закончили планшет, Виктор писал отчет и еще довольно долго бок о бок работал с Синицыным. Со временем он сам стал начальником такой же геологической партии.

Коротков вытащил потертую на перегибах карту и стал показывать Ивану. В тех местах он в молодости описывал разрезы, видел горных баранов чубуку или какую-то другую живность. Глядя на карту, он даже вспоминал, где пил чай на привалах. Однако так же, как Синицын, Коротков о лагере не знал. Правда, в разговоре выяснилось, что на небольшой терраске, которая находилась в узкой долине безымянной реки, в конце того сезона Виктор нашёл баню. Как понял Иван, самую настоящую – с хорошим предбанником и приличным навесом. Баня была рублена из круглого ошкуренного леса.

– Да как рублена, просто загляденье! – восторгаясь работой неизвестных плотников, рассказывал Коротков. – Бревно к бревну срублены в лапу, венцы ровные, дверные и оконные оклады, как игрушечные. А пол! Представляете, он, как стол. Доски так подогнаны, что ни одной щёлочки. И все это было рублено топором. Только одним топором! Представляете, какая работа! Замечу – везде растёт одна лиственница, а это вечное дерево, – увлеченно говорил геолог. – Сейчас так не рубят. Разучились наши мужики, а может, просто не достигли того уровня. Хотя и инструменты теперь какие хочешь и пиломатериалы. А та банька вообще-то была не маленькая, – поглаживая свои редкие волосы, вспоминал Коротков. – Человек на десять, думаю, не меньше. Размером побольше, чем этот кабинет. Определенно больше, здесь даже сравнивать нечего.

Иван посмотрел по сторонам, прикидывая площадь помещения, в котором он находился. Вдоль одной стены стояли стеллажи с образцами каких-то камней, на другой – висела геологическая карта и под ней – маленький столик с компьютером. Рядом с ним под окном стоял письменный стол, за которым они и сидели. Получалось, что длина кабинета была метров пять, а ширина около четырех.

– Всё там было сделано по уму, – прервав размышления Ивана, продолжал Виктор Иванович. – Полки двухъярусные. Печка из камней выложена. – По его лицу пробежала какая-то тень, точно он в чем-то засомневался.

– Печка там была железная вообще-то. Видно, бочку камнями обложили. Совершенно верно, железная. Вспоминаю, там, на круглой дверке была ручка наклепана. Она, как скоба. Такие ручки обычно делают на буржуйках. Да, ещё вот: возле бани поленница дров сохранилась. Представляете, целая поленница стояла. Правда, в то время дрова уже прилично заросли, но ещё не сгнили. А в общем, надо сказать, – баня была очень хорошей сохранности. И что интересно – даже крыша не провалилась. Обычно у всех заброшенных домов это самое слабое место. А как крыша упала, так дом, знаете, заливают дождём, и тут ему быстро конец приходит. А ту баньку, по-моему, хоть затапливай и мойся. Помню, у меня тогда даже сложилось такое впечатление, как будто люди все бросили и куда-то убежали. Всякие там ведра, тазики остались. Ржавая пила двуручная на поленнице лежала. Во, самое главное не сказал! – Коротков весь как-то оживился, глаза заблестели. – Они даже топор оставили. Представляете, топор! В тайге вообще-то топор ни на одной старой стоянке не найдешь. Все что угодно забывают, а вот, чтобы топор... Я такого не припомню. Хотел я его тогда забрать, да слишком тяжёлым

он оказался. Я его в предбанничек под скамейку спрятал. Туда же и пилу занёс. Как сейчас помню, на топоре было выбито клеймо «Труд вача, 1933 г.»

– Может, это и были остатки лагеря? – не выдержав, спросил Иван. От возбуждения он весь горел. – Мыться же им надо было где-то. Вот и баня. Наверное, там они и жили.

Коротков замотал головой.

– Нет, сомневаюсь. Какие-нибудь староверы, скорей всего, или беглые. Их раньше по всей Сибири хватало. Уходили они и в наши горы. А для лагеря – это слишком далеко. Да и, по-моему, незачем туда было заключенных загонять. Им там руки не к чему приложить...

– А вот Иван Васильевич говорит, что там может быть золото, – неожиданно вставил Иван. – Даже, может быть, целое месторождение.

Во взгляде Короткова можно было прочесть удивление и недоумение. Секунду он помолчал и заговорил:

– Ну знаете, молодой человек, это ещё бабка надвое сказала. Да, попалась в тех местах пара приличных проб с золотом, никто этого не отрицает, но это же ещё не говорит о том, что там месторождение. Таких районов, где встречались пробы с высоким содержанием золота, я вам прямо сейчас могу показать не меньше десятка. Ну и что? Нет там никаких месторождений. Я знаю, с этой идеей Иван Васильевич носится давно. Свербит у него с тех пор, как мы там отработали, а выхода нет.

– Ну а всё-таки, золото там может быть?

– Теоретически оно везде может быть.

Иван не унимался и как мог пытался объяснить присутствие людей на площади, которая его интересовала.

– А может, их там хотели расстрелять? Загнали туда заключённых и всех поставили к стенке. Что с ними чикаться? Других пригонят. Народу...

– Подождите, подождите. Успокойтесь, молодой человек, не горячитесь. Это могли сделать и ближе. Иван, ну подумайте сами, – усмехнулся Виктор Иванович, – столько их туда гнать и всё только для того, чтобы там убить? Нет-нет – это несерьёзно. Туда же просто так не заберёшься, а еще нужно было продукты и снаряжение занести. Между прочим, в то время всё затаскивали только на себе и на лошадях. Тогда ещё не было вертолётчиков. А вы вообще представляете себе, что такое лагерь? – спросил Коротков и тут же, не дожидаясь, сам ответил:

– Это целое хозяйство со своей структурой и транспортом. Вы, наверное, никогда в экспедиции не ходили, поэтому не знаете, что это такое. Кстати, жили эти староверы где-то совсем в другом месте, – неожиданно сказал Коротков. На мгновение он замолчал, видно, что-то соображая. – На той террасе, кроме бани, ничего уже не поставишь, а в бане они точно не жили. В этом я абсолютно уверен. Но никаких строений я в том районе больше не видел. Да и никто их там не встречал. А по идее они должны бы были быть.

Виктор Иванович почесал затылок и, встав из-за стола, нервно заходил по кабинету.

– Наверняка должны были быть. Теперь я в этом абсолютно убежден. Где-то же они жили. Ну не приходили же они туда за сотню километров только для того, чтобы в баньке помыться. Странно, почему я раньше об этом не подумал?

На прощание Коротков подарил Ивану ксерокопию своей карты. Это была двухсотка на ту площадь, о которой он рассказывал. Туда Иван вынес точку, где стояла загадочная баня. Она точно легла в центр большого прямоугольника, которым была обозначена интересующая его площадь.

В гостинице Ивана ждала телеграмма.

«Ввиду низкого уровня воды, судоходство по Лене практически остановлено. Идут только срочные грузы с перевалкой на мелкосидящие баржи, – бегло читал Иван. – В текущем месяце метеорологи обещают неутешительный гидрологический прогноз и сильное обмеление реки».

В конце телеграммы Ивана просили извинить за причинённые неудобства. Подписал Воронин.

«Наверное, начальник, – разглядывая телеграмму, подумал Иван. Из-за этой подписи он на время даже забыл о содержании. – Вот какая забота! Даже извиняются. Вот жизнь пошла! Сплошная демократия! Раньше чтобы такое, да ни за что на свете! Захочешь – не добьешься! А теперь вот...»

То ли от удивления, то ли от возмущения он даже потрянул головой, цокнув языком. Длинные волосы упали на лицо. Он зачесал их назад, стянув в толстый пучок.

– Вот елки-палки, всё против меня, а теперь еще природа вмешалась.

Он бросил телеграмму на стол и заходил по номеру. Иван подошел к окну, посмотрел на грязную улицу с деревянным тротуаром. Люди возвращались с работы. По дороге, подпрыгивая на ямках, проехал УАЗ. За ним висели плотные клубы пыли. Все вокруг сразу стало серым и расплывчатым, как в тумане.

«А может, это и хорошо, – мелькнула у него шальная мысль. – Пока есть время, займусь своими делами. Мне предоставляется возможность найти дедов лагерь. В душе я этого давно хотел. Это же моя мечта».

Глава 2

После смерти деда Борис переселился в его квартиру на набережной. Дед был замкнутым и во многом для него непонятным. Он даже жил один, как старый отшельник. Никого из родных дед особо не жаловал, да и принимал их только по праздникам. А уж о том, чтобы поселился у него внук, которого к нему упорно спроваживали родители, он и слышать не хотел. Родителей можно было понять: все права на квартиру принадлежали деду, и, уйдя он в мир иной, квартира досталась бы государству. Но дед словно этого не понимал и, видно, думал жить вечно. Все разговоры о квартире обычно заканчивались скандалом или истерикой старика. После этого он неделями избегал встреч с родными. Поэтому его старались сильно не донимать, однако разговоры возникали сами собой, а после участвовавших сердечных приступов проблема дедовой квартиры стала главной.

И вот перед самой смертью деда отец, каким-то непонятным образом, прописал к нему Бориса. По этому поводу он особо не распространялся, но по слухам, дошедшим от соседки, Борис понял, что обошлась бате эта прописка в кругленькую сумму, которую пришлось отвалить в жилищно-эксплуатационном управлении. Зато теперь Борис стал законным обладателем двухкомнатной квартиры в тихом районе города. Этот монументальный дом сталинской постройки стоял как крейсер среди ветхих суденышек. Если так можно было назвать более поздние строения, именуемые в народе «хрущёвками» или «хрущёбами». Как досталась деду эта квартира в обкомовском доме, Борис толком не знал. Да это никогда его и не интересовало. Но сейчас, когда он тут поселился и по достоинству ее оценил, стал задумываться. Поговаривали, что дали её деду за какие-то заслуги. Отец рассказывал, что дед работал в органах, был секретарем парткома на заводе, членом какого-то бюро и ещё чего-то. Словом, был он весь «заслуженный». Борис вспоминал, что кто-то из знакомых его родителей называл деда не иначе как «тайный агент ЧК». За что такая кличка, он не знал, а спрашивать тогда постеснялся. Так и осталось это для него загадкой.

«Тогда же так трудно было с квартирами, – расхаживая по комнате, думал Борис, – а он получил. Интересно все-таки, почему? А может, ему дали как инвалиду войны – он ведь был контужен. А может, всё-таки и правда, за его большие заслуги? Квартира, конечно, шикарная, тут ничего не скажешь. Она и по теперешним временам вполне тянет на элитную».

Когда-то вместе с дедом здесь жили и родители Бориса. Только это длилось совсем недолго. Мать не выдержала скверного характера свекра и, когда ещё беременная ходила с Борисом, забрав нехитрые пожитки, ушла к своим родителям. Площадь там была поменьше, да и жильё поскромнее, но зато никто, как она говорила, не обливал ее грязью, не попрекал куском хлеба. Потом родители получили своё жильё в заводском общежитии, а позднее небольшую квартиру в новом микрорайоне города. В ней они и жили до сих пор.

Окончив институт, Борис пошел на тот же завод, где работали родители. Долго он там не продержался – началась новая жизнь. Сначала Борис подрабатывал торговлей овощами, потом стал заниматься шашлыками. Сам доставал мясо, специи, овощи, сам готовил шашлыки. Как говорили приятели, они были совсем недурными. Шашлычный бизнес оказался довольно прибыльным. Борис зарабатывал приличные деньги, но росли и запросы: хотелось большего, а денег всегда не хватало. Со временем он собирался открыть ещё киоск, на который возлагал большие надежды, рассчитывая подняться в своем бизнесе на ступеньку выше. Вёл Борис свободный образ жизни. Дома часто не ночевал, иногда приходил навеселе и не один. Этими загулами он напрочь достал всё своё семейство. Добавил проблем и головной боли матери, боготворившей своего первенца. Не отделался одной валерьянкой и отец. Видать, только поэтому родители и спровадили его в дедову квартиру. Правда, они говорили, что она ещё и брата, но

как только Борис увидел в своем паспорте штамп с пропиской, то про себя решил: «Пусть брат живет с родителями и дожидается своей очереди, а моя уже пришла».

Квартира деда была запущена, основательно захламлена. Но всё с лихвой компенсировала огромная площадь, высокие потолки и удобная планировка. Из просторного холла двойные застекленные двери вели в обе комнаты. Зал дед полностью заставил такой же древней мебелью, каким был сам. На полу лежали горы пожелтевших газет, подшивки старых журналов. Это больше напоминало склад реквизита какого-то захудалого театра, чем квартиру. В комнате поменьше было уютней и чувствовалось, что здесь кто-то жил. Посередине на точеных ножках стоял красивый дубовый стол, а за ним у большого окна – примостился еще один. Наличие двух столов в одной комнате делало её похожей на рабочий кабинет. Видно, за это так и называл её бывший хозяин. Весь правый угол рядом с письменным столом занимал какой-то допотопный диван с высокой спинкой. Напротив стояли большие кабинетные часы с застекленным окошком, в котором виднелся маятник, похожий на педаль велосипеда.

Деда Борис не любил. Он казался ему недружелюбным эгоистом. Весь внешний вид этого старика был какой-то предательски крадущийся. Глядя на него, Борис почему-то всегда думал о его лицемерии и коварстве. Ему казалось, что тот что-то скрывает и чего-то недоговаривает. Встречи с дедом непроизвольно наталкивали его на определенные размышления.

«У таких, как мой дед, на чёрный день обычно что-нибудь припрятано, – думал он, отмеряя шагами квартиру. – Это не люди, это настоящие жлобы, которые будут умирать, но своего не отдадут. Знаю я таких. Вот пример – наш бывший сосед. Тот даже куриные яйца в муку закапывал, а по ночам вставал и пил. Вот... паразит. – Борис невольно выругался. – И этот был таким же. Жлоб номер один: у него и снега зимой не допросишься. Но куда он собирался деть своё богатство? С собой его не заберешь. Явно, где-то дома своё золотишко припрятал».

И Борис вспоминал рассказ отца, глубоко запавший ему в душу. С войны дед пришел, сильно припадая на одну ногу. После госпиталя она стала короче. Возможно, из-за тяжелой военной жизни характер у деда был сварливым. Просто так – ни за что он мог накричать и обругать любого. Поэтому соседи и знакомые держались от него подальше. Редко за бутылкой он встречался с приятелем дядей Васей – бывшим фронтовиком, жившим бобылем на соседней улице. Дед пил мало и обычно быстро пьянел, но при этом было у него одно положительное качество: когда он доходил «до кондиции», всегда ложился спать. Только однажды, выпивая с дядей Васей, он перебрал и нарушил это правило. Все бы тогда, возможно, было бы как обычно, не задень тот его за живое.

– Вот ты, Никитич, обозная крыса, всё контузией прикрываешься, а сам даже пороха не нюхал, – ни с того ни с сего завёлся подвыпивший приятель. Он даже постучал кулаком по столу. – Ты передовую видел только из-за спины наших бойцов, а я свою кровь проливал. Знаю я вашего брата. – Он зло выругался. – Заградотряд...

Договорить он не успел, деда будто подменили. Лицо у него налилось кровью, руки задержались.

– Да я прошёл всю войну, а ты меня в тыловики записал. Не выйдет. Я в атаку с одним штыком ходил. В рукопашную... Вот этими руками фрицев давил.

Он даже захрипел и закашлялся. На глазах выступили слёзы.

– А преступников я, точно, толпами гонял. Вот тут ты прав. Гонял их, как бешеных собак, и сторожил, чтоб не сбежали. Ты думаешь, их можно было отпускать одних с оружием? Нельзя их было отпускать. Нельзя! Отпусти, так они б на тебя его и направили. Или еще хуже – подались бы к немцам. Ни хрена ты, Васька, оказывается, не понимаешь. Ни хрена!

Потом они помирились и принялись за очередную бутылку.

– Да, Вася, от тебя скрывать не буду, – продолжал хорошо выпивший дед, – по молодости охранял я эков, охранял. Там, где я когда-то был, не дай бог тебе оказаться: ты жизнь проклянешь. Да разве это жизнь – это настоящая каторга. Вокруг тайга и горы – никуда не сбежишь.

Понимаешь, никуда. Нет оттуда дороги. Получается, что я тоже вместе с зэками сидел. А за что, Вася, скажи? Только за то, что меня призвали служить в ЧК. Не в пехоту, не в артиллерию, а в ЧК. Понимаешь ты это или нет? Меня призвали.

Неожиданно он сорвался на крик, разыгрывая свою роль в этом застольном спектакле.

– Туда мне Родина приказала идти. Ты понял теперь? Родина. А вообще скажи мне, Вася, охранять же их кто-то должен был? До-о-о-лжен. Вот я и охранял. Ты понимаешь, я службу нёс, да ещё, получается, и срок отсидел. Срок отсидел, ты понимаешь это? А за что меня, Вася, скажи? Ну за что? Тех по закону, а меня-то за что?

Наверное, жалея себя, он даже прослезился. Было видно, что ему не по себе. У него будто враз смешались все чувства. Тут была и жалость к себе, и злость на тех, кто его окружал, кто отправил охранять заключенных.

– Ни баб там не было, ни нормальных людей, – слёзно говорил дед. – Никого там не было: одни зэковские рожи, да и то такие, что в любую минуту убить тебя готовы. Понимаешь, убить меня...

Они снова выпили, и деда совсем развезло. Он ткнулся лицом в тарелку с квашеной капустой и чуть не заснул. Мать хотела его увести, дед заругался.

– Уйди... не тронь говорю. Я сам знаю. Я сам...

И тут он понёс какую-то бессвязную, как отцу тогда показалось, галиматью.

– Я вас всех сейчас из браунинга, как тех зэков. Тоже мне нашлись. Я вам покажу, как мне указывать. Я вам... Я самый богатый. Я богатый. У меня есть золото. Много золота. Оно все моё, понимаете, моё.

Он не на шутку разошелся, словно дирижируя, замахал вилок. Глаза у него заблестели. Холодным злым взглядом он смотрел на дядю Васю. Казалось, он готов его убить.

– А где твое золото? Что-то я его не вижу, – не выдержал дядя Вася. – Ну где? Покажи.

Батя заморгал, глаза у него испуганно забегали.

– Э-э, умник какой нашелся! Показать ему, видишь ли, надо. Ишь чего захотел! Много вас таких, грамотеев. – Дед помахал ему вилок, видно, показывая, что он не такой простой, каким тот считает. – Оно у меня в надежном месте спрятано. Тебе его не достать. Ни за что на свете.

Дядя Вася не отставал. То ли он его дразнил, то ли, правда, пытался что-то выведать, да только дед толком ничего не говорил.

– И что, сколько его, Никитич? Много?

– Много, очень много. За один раз всего не поднять. Вот скоко, понял? Оно всё мое. Только моё. А их давно нет. Все сгинули.

Дед поперхнулся и закашлялся. Прокашлявшись, крепко выругался.

– Моё золото, ё...

Тут дед окончательно стих, и отцу он показался совсем маленьким и шуплым.

На следующий день с похмелья он будто был не в своей тарелке. Всё время суетился и, как рассказывал отец, пытался помочь матери. «Ни с того ни с сего он спросил меня о школе и стал предлагать свою помощь. Такого с ним никогда не случалось. Моей учёбой интересовалась только мама, а я для него как будто не существовал. У меня почему-то возникло такое впечатление, что он замаливает грехи и не знает, как это сделать. Но потом я понял, что больше всего его беспокоило другое: не наговорил ли чего лишнего, не выдал ли свою тайну. Вечером он принес бутылку водки и пошёл к дяде Васе. Его долго не было, а когда пришёл, то был навеселе. А через несколько дней дядю Васю нашли на пустыре с простреленной головой. Убийца остался неизвестным. Так вместе с ним ушла в могилу и тайна его смерти.

Этот рассказ отца Борис запомнил хорошо. В мельчайших деталях он мог воспроизвести его в любое время. В том, что во время той пьянки дед был искренен, Борис почему-то не

сомневался. Он был уверен, что это правда. И сейчас, оказавшись в этой квартире, хотел найти это злополучное золото.

Глава 3

В экспедиционной вахтовке стоял галдеж. Можно было подумать, что там едет не десяток человек, а целая рота солдат. Вахтовка – потрепанный «Урал» с облезлой оранжевой будкой, застекленной, как автобус. Внутри машину завалили разными железками и пузатыми рюкзаками. Они стояли прямо на полу или лежали на свободных сиденьях. Для полного комплекта здесь не хватало только бочек с бензином или какой-нибудь моторной лодки. Вахтовка Ивану показалась чем-то вроде цыганского табора, где царил хаос и беспорядок.

Мужики дорогой хорошо поддали, и у всех развязались языки. Позади у каждого остался дом со своими проблемами, а впереди почти месячная смена и сухой закон. Пить на вахте запрещалось, и приходилось терпеть, зато сейчас было что-то вроде «межсезонья»: после отгулов все встретились в нерабочей обстановке, затоваренные продуктами и водкой. В таких условиях сам бог велел выпить.

Душой компании был бригадир Роман – высокий здоровый мужчина с копной темных волос. На вид ему давно перевалило за тридцать, но сорока, по прикидкам Ивана, еще не исполнилось. Одет бригадир был в камуфляжный костюм, на ногах мелькали пёстрые комнатные тапочки, которые никак не вязались с этой строгой униформой. Был бы он в сапогах или в какой-нибудь другой обуви, может, смотрелся бы намного строже. Слушал бригадира Иван, и ему казалось, что тот ещё бегаёт по посёлку, выбивает запчасти, сдает наряды, выколачивает зарплату. За общими заботами и проблемами он, наверное, так и пробегал весь свой отпуск. В этом, возможно, и был смысл его жизни.

– Я ей говорю, нам деньги нужны, через день на вахту, – рассказывал Роман очередную байку, – а она мне в ответ: «А зачем они вам в тайге? Продукты, снаряжение и запчасти мы вам выдали. Что еще надо? Все у вас есть». – Бригадир так потешно изображал разговор с каким-нибудь начальником, что вызывал дружный смех своих подчиненных.

– Всё у нас есть, представляете! – входил в раж бригадир. – Во-о дает! И это главбух! А что говорить о других – рангом пониже. К тем хоть вообще не подходи. Они будто не знают, что у меня в посёлке семья остаётся...

– А вообще, Рома, эта баба не промах, – сказал кто-то сбоку. – Свое дело знает туго...

– Я ей говорю, у нас же не коммунизм, который мы так и не построили, а зачаточная стадия капитализма, – не обращая внимания на его реплику, продолжал Роман. – Мне никто домой ничего не принесёт. В отличие от нее у меня нет спонсора. – На лице бригадира появилась ухмылка. Было видно, что этот «спонсор» главбуха не оставил его равнодушным. – Нашла, видишь ли, богатенького, – скривился Роман. – Могла бы выбрать и получше. Ну да хрен с ней, не наше дело. – Он запустил пятерню в волосы и, потрепав их, продолжал: – Что нам теперь сетовать на теперешнюю жизнь? Раньше бывало и не такое. Я помню, мужики, как в своё время мои бедные родители пытались мне в голову втемяшить, что скоро всё будет бесплатно. Это даже трудно было себе представить, а вот они на что-то рассчитывали. Так до лучших времен и не дожили. А потом еще вклады у всех отобрали...

– Не говори, Рома, мои старики тоже все годы копили, а на старости лет остались на бобах.

Тут в разговор вклинился пожилой мужчина с седой головой. В руках он держал открытую бутылку.

– Мужики! Давайте лучше выпьем. Хватит вам болтовней заниматься. От этого денег не добавится. Деньги – это зло.

Все потянулись за кружками, и снова закрутилась «карусель». После очередной бутылки запели песни.

Вахтовку на ухабистой дороге изрядно трясло, и всё, что только могло издавать звук, гремело и скрипело. Как только машина резко тормозила, пыль летела в открытые окна. От этого

у Ивана даже першило в горле. Но на такие мелочи здесь давно уже никто не обращал внимания – они казались даже не издержками, а непременным атрибутом любой поездки. Дорога была пустынной. Вдоль трассы мелькали запыленные лиственницы, стоявшие сплошной стеной. Кое-где они забрались на обочину и уже вплотную подошли к дороге, образуя узкий коридор.

«Давно бы их нужно было вырубить, – глядя в окно, подумал Иван, – но, видно, ни у кого руки не доходят...»

– Да, трасса теперь не та, – будто угадав его мысли, сказал сидевший сзади мужичок. Почти на самые глаза он напялил пёструю лыжную шапочку. В жару среди лета это выглядело очень забавно. Особый колорит внешности мужичка придавал огромный лиловый синяк под левым глазом.

– О, Петруха проснулся, – кивнул в его сторону сосед Ивана, молодой мужчина в тёмных очках. – А фонарь у тебя просто класс!

– Я думал, что ты до самого Куранаха не отойдешь, – повернулся к нему Роман. Он покраснелся, волосы растрепались. – Опять, дорогой мой, ты в своём репертуаре. Чего не поделил, говори. Когда ты... наконец успокоишься?

И в его голосе Иван уловил начальственные нотки.

– Смотри, парень, а то голову оторвут.

– Да я тут, Рома, собственно, и не виноват. Понимаешь, вчера вечером на улицу вышел, и вдруг откуда ни возьмись пацаны подскочили. Ну, понимаешь, просто так, ни за что врезали...

– Просто так даже чирей на заднице не садится.

Петруха пожал плечами. На его круглом лице появилась ухмылка.

– Да нет... Всё бывает.

Роман понял, что его подопечный что-то «темнит», и стал настойчиво его прижимать.

– Петро, хватит тебе в молчанку играть. Я вижу, что здесь дело нечистое. Ты, видать, опять со своими дурацкими нравоучениями приставал? Знаю я тебя, ты же без этого не можешь. А ну давай рассказывай, как там было.

– Да я ничего, – начал Петруха, – просто сказал им, чтобы не кричали. Ну чего зря орать. Это же не тайга. И вот видишь...

Он тяжело вздохнул и, пальцем показав на глаз, тут же закашлялся. Весь покраснел, из глаз побежали слёзы.

– Вот, зараза! О-хо-хо-хо, – держась за бок, откашлялся Петруха. – Как всей толпой на меня навалились... Что с ними сделаешь?

– Пить надо меньше – вот что! – словно подводя черту, жёстко сказал бригадир.

Стали разливать водку, и все снова потянулись за кружками.

Вдали показались горы. Они медленно приближались, и Ивану даже показалось, что до них никогда не доехать. Но вот откуда-то из-за поворота вынырнула большая горная река, вдоль которой пошла трасса, и они въехали в предгорье. Вахтовка быстро проскочила по деревянному мосту со сломанными перилами. На съезде её подбросило. Иван увидел, что под мостом бурлит вода.

Такие горные ручьи и речки стали попадаться всё чаще. Иногда они мирно текли, не причиняя никому вреда, но о их мощи можно было догадываться, глядя на берега, заваленные большими валунами и деревьями с вывороченными корнями. Так реки избавлялись от ненужного балласта, принесенного с верховьев. В устье одной такой реки стволы деревьев образовали сплошные завалы, служившие теперь огромными фильтрами. По обе стороны дороги показались залесенные сопки, а вдали уже виднелись крутые остроглавые горы.

«Вот красота! – глядя по сторонам, думал Иван. Он сразу забыл обо всем, что его окружало, и теперь любовался открывавшимся видом. – И не надо ехать ни на какой там Памир или в Гималаи».

Как-то незаметно дорога пошла по берегу реки. Иногда она приближалась к крутым обрывистым скалам, потом ныряла в какой-нибудь распадок и серпантинном спускалась к безымянному ручью. Под ними далеко внизу кипела и бурлила вода. В одном месте машина проехала по самому краю обрыва. Иван посмотрел вниз. От увиденного перехватило дыхание: ему показалось, что еще немного – и они полетят в пропасть.

– Черный прижим, – вернул его кто-то к действительности. – Сейчас ещё дорога сухая. А вот зимой и по весне в гололед...

– Саня, да ничего тут страшного. Что ты тут людям вешаешь лапшу на уши. Мы проскакивали и не в такую погоду. Главное – не надо мандражить, и всё будет в порядке.

– Бульдозерист тоже хотел проскочить, царство ему небесное, – раскачиваясь на сиденье, сказал Роман. – Зачем на рожон лезть? Жизнь и так коротка.

Машина объехала завал и чуть не зацепила отвесную скалу. Иван резко отодвинулся от окна. Впечатление было такое, что выступающие камни сейчас развернут машину.

– Это был дорожник на грейдере, – как сквозь сон дошло до его сознания. – Вы все его, наверное, знали. Белобрысый такой, из поселка на развилке.

Этого вахтовика Иван узнал по звучному голосу и своеобразной манере разговора. В каждом его слове чувствовалась какая-то необычная уверенность. Он говорил так, точно судья последней инстанции зачитывал приговор.

– В прошлом году он Валерку из кювета выдергивал. Помните, когда мы бегали за ним на пост дорожников. Да-а, теперь уже нет того мужика. – Он тяжело вздохнул и дрогнувшим голосом продолжил: – Видать, малость не рассчитал. Назад дал лишку.

– Смотри-ка на него – назад дал лишку, – съехидничал Роман. – Мог бы остановиться и посмотреть. Куда спешил? Знал, что здесь опасное место. Знал. Надо голову иметь на плечах. – Бригадир постучал кулаком по спинке сиденья и назидательно продолжал: – Я вам всегда говорю, прежде чем что-то сделать, надо подумать. Нечего лезть на рожон. Ни хрена не слушаете – вот и получается...

«Вся эта дорога построена на костях эзков, – глядя в окно, ушёл в свои мысли Иван. – Возможно, и мой дедушка здесь когда-то работал. Он тогда, конечно, молодым был – немного постарше меня. Все-таки надо признать – повезло Ивану Лукичу: жив остался. А так кто знает, может, и его кости теперь бы здесь гнили. Уж тогда бы о нём никто ничего не узнал. Его же посадили без права переписки, а это считай – покойник».

Его размышления прервал Петруха. Он выспался, и теперь ему стало скучно.

– Эй, москвич, а чо тебя туда потянуло? Дома не сидится? Хорошие места есть и поближе. Загорал бы себе где-нибудь на Можайском море. А если мани-мани есть, мог бы и на Кипр махнуть. Ну, на худой конец в Сочи. Теперь везде свободно, отдыхай – не хочу. Ну скажи, что тут хорошего? Это еще, парень, лето – на улице тепло, а как мороз вдарит, жизни рад не будешь. И чего людей сюда тянет?

Петруха сказал это так, точно спрашивал и себя самого. По-видимому, этот вопрос он задавал себе не раз.

– Тех заработков на Севере теперь, конечно, нет. Прошли времена, когда здесь можно было большую деньгу зашибить. Сейчас на Западе люди живут намного лучше нас, а тут осталась только романтика. Народ пошустрей руки нагрел и давно смотался. Одно время люди толпами бежали, а сейчас никто уже не дергается – остались самые стойкие. Видать, все поняли: везде хорошо, где нас нет. Если честно – кому мы там нужны? Никто нас там не ждет. Наш удел – этот Север. Нравится мне или нет, а теперь до конца дней тут мой дом. Будем надеяться, что мы уже пережили те смутные времена.

– И что, не тянет на Запад?

Петруха отвернулся, и в его глазах Иван заметил грусть. За окном мелькали деревья, обрывистые берега, распадки, а они все ехали, и, казалось, этому не будет конца.

«Мало ли таких мужиков по всему Северу мотается. Кто-то в поисках романтики приехал, а кто просто подзаработать хотел. Приехали вроде бы ненадолго, да так и прикипели к этим местам. Готовых рецептов ни для кого нет: у каждого своё. Кто бы знал, что ждет меня впереди? Пока одна неопределенность...»

– Кстати, тут по трассе в прошлом году англичанин на велосипеде проезжал, – услышал Иван Петрухин голос. – Представляешь, настоящий англичанин! Говорил, что из Лондона. Мы его встретили где-то здесь, ну, может, малость подальше от этого места.

Петруха показал в окно. Там, в небольшом карьере, откуда, видно, в свое время брали породу для отсыпки дороги, росли тополя и лиственницы.

– В Магадан мужик ехал. Ну, ты представляешь себе, англичанин забрался в такую глухомань!? Идея фикс у мужика: один на велосипеде весь мир захотел объехать. Кругосветка. Из Магадана он собирался перелететь на Аляску, а дальше опять на велосипеде. Говорил, что об этом путешествии книгу напишет. Он даже нас сфотографировал на память. Может, и мы там будем. Ты представляешь, моя фотография в такой книге. Это же потрясающе! А в тот вечер, когда мы встретили этого англичанина, он был мокрый, как цуцик. Прикинь, мужик целый день под дождем проехал. Говорил, график...

– Ты п-посмотри на него, ожил. Даже про свой глаз забыл.

Молодой рыжеволосый мужик перегнулся через спинку сиденья, и Иван увидел его блуждающий, ничего не выражающий взгляд. От него пахло перегаром. Чувствовалось, что он находится в той стадии, когда для душевных разговоров уже перебор, а для полного «отруба» ещё не хватает.

– Надо было тебя, П-петруха, сразу опохмелить. Тогда ты бы, м-может, давно п-перестал изображать из себя умирающего лебедя. Чего р-разошёлся? М-мало врезали? С-сейчас добавим. За мной не-е заржавеет.

Он дотянулся до Петрухи и помахал кулаком перед его носом.

– Я тебе добавлю, – взорвался Петруха. – Вот такие, как ты, паразиты, людям жить не дают.

– Н-но-но, потише. Я сейчас, и правда, тебе врежу. Тогда и другой глаз прикроется. Смотри-ка, голубая кровь. П-поттише, парень...

Тут уже не выдержал бригадир. Он легко подтолкнул Петруху, мол, не кипятись. А рыжий отвернулся и, как ни в чем не бывало, замотал головой, что-то улюлюкая себе под нос.

Машину тряхнуло, и всех подкинуло, как на трамплине. Сзади на пол упал огромный рюкзак. Что-то там булькнуло, и в вахтовке запахло сивухой. К рюкзаку подскочил мужик в защитной штормовке.

– Вот, зараза яка, – выбирая битое стекло, запричитал он. – Разбылась!..

– А что ж ты, Володя, её не вытаскивал? – спросил бригадир. – Вот за это бог тебя и наказал.

– Да то тёща самогон из Украины видправыла. Думал, на день народжэння. И ось бачытэ, не довиз. Шо то за водила такый! – перевёл он разговор в другое русло. – Дрова вин вэзэ, чи шо? Ну Васыль! Ну зэмэля!

Ему так было жалко разбитую бутылку самогона, что он ещё долго страдал, ругая и проклиная всех, кого только мог, и аж до третьего колена – родственников водителя. Но оказалось, что в том же рюкзаке у него припрятана была еще одна бутылка, которая тут же пошла по рукам.

– Иван, москвич, – позвал его Петруха, – ты что, так, в кроссовочках пойдешь? Сапоги-то у тебя есть?

Сапог у Ивана не было. Как-то так само собой получилось, что эти кроссовки были у него на все случаи жизни.

– Ну ты что! – с удивлением в голосе сказал Петруха, изобразив на лице гримасу. – Тебе своих ног не жалко?

Он полез в потертый рюкзак и один за другим вытащил резиновые сапоги.

– На, возьми. Потом встретимся, отдашь. Портянки там внутри.

Сначала Иван хотел отказаться. «Тоже мне, осчастливил. Больно мне они нужны, да еще небось с вонючими портянками». Однако быстро сообразил, что выкинуть всегда успеет, и положил сапоги в рюкзак.

– Там, кстати, на озерах сейчас Колька Ключков рыбачит. Он постоянно туда мотается. Что там летом можно делать, не пойму. Но, видать, ему нравится. Встретитесь, он тебе поможет. Мимо него всё равно не пройдешь. Его зимовье прямо на тропе стоит. Это наш прораб поселковый. Мужик что надо, таёжник. Увидишь – передай привет от Петра Нестерова. – Петруха показал на себя.

Сразу за деревянным мостом, перекинутым через бурлящую реку, Иван вышел из вахтовки. На прощание Роман сделал наставление и посоветовал не рисковать. Уже перед самым отъездом он отдал свою ракетницу и десяток ракет.

Машина уехала, а Иван остался на пустой трассе. На его карте это место значилось как посёлок № 7. Дальше по трассе был 8-й посёлок, и 10-й, и 12-й. Так до конца планшета, через определенные расстояния, как автобусные остановки на маршруте, в безлюдных местах стояли посёлки. У человека, к которому впервые попадала такая карта, это вызывало недоумение. Как Ивану сказали геологи, номерными посёлками были показаны бывшие лагеря заключенных. Не нанести их на карту топографы не могли. Да и вообще, что же это за карта, если на ней не всё показано? Вот таким образом пришлось засекретить эти лагеря, и на долгие годы их спрятали от посторонних глаз.

На месте посёлка Иван нашел большой полуразвалившийся пятистенки. Он стоял на краю поляны, заросшей кустарником и редкими деревьями. Оглядевшись, Иван определил, что когда-то здесь была большая площадка. С одной стороны её граница проходила по крутому обрывистому берегу реки, а с другой – прижималась к обрывистым скалам. Возле них сейчас была проложена эта северная трасса. На площадке уже вырос могучий лес, тянулся вверх и подлесок. И только по полусгнившим бревнам и густым зарослям иван-чая Иван определил, где стояли бараки. Получалось, что их было три.

У каждого лагеря, стоявшего вдоль строящейся трассы, был свой участок работы. Вручную и на тачках носили и возили заключенные камни и землю, отсыпая будущую дорогу, которая, по замыслам дальстроевских проектировщиков, должна была проходить именно по этим глухим местам – по неведомым ранее горам и долинам, через реки и болота. Как на фронте, каждая пядь земли стоила заключённым жизни. Многим узникам так и не довелось увидеть конца этой огромной стройки, но зато теперь она стала памятником мертвым и напоминанием живым о всех погибших.

Иван прошёлся по периметру площадки и на одном углу нашёл остатки упавшей сторожевой вышки. Почерневшие и полусгнившие от времени доски и столбы валялись на ржавой колючей проволоке, которая змеей обвивала их вокруг.

Денно и ночью, в дождь и в снег, сменяя друг друга, стояли здесь часовые. Стояли в этом богом забытом месте, чтобы охранять бесправных, замученных непосильной работой и нечеловеческими условиями жизни заключенных. В случае побега или неповиновения с этой вышки первой приходила смерть. Сторожевая вышка так же, как охрана, исправно несла службу. Теперь она валялась на земле, поверженная и убитая колючей проволокой.

– Вот она, расплата! Хоть поздно, но она пришла. – Иван наступил на гнилую доску, она хрустнула под ногой, запахло плесенью.

Остатки этого лагеря непосвящённые воспринимали как обыкновенные развалины, каких хватает повсюду. Но всё равно чем-то холодным и мёртвым веяло от этого грешного

места. Как-то непроизвольно передавалось то гнетущее состояние, которое когда-то испытывали жившие здесь люди. Временами у Ивана мороз пробежал по коже, от боли щемило сердце.

«Сколько же было таких лагерей? – ковыряясь в траве, думал Иван. – Сотни, тысячи. Да что там тысячи! Вся страна была огромным лагерем, опоясанным такой же проволокой».

Глава 4

Борис до мелочей продумал план поисков, которые хотел провести в квартире деда. Искать можно было прямо сейчас, но все дело упиралось в металлоискатель, а где его взять, не вызывая лишних вопросов и подозрений. А пока Борис решил начать поверхностный осмотр.

«Мои старики тут, конечно, уже покопались, но, я думаю, ничего они не нашли. Дед был не так прост, как некоторым казался. Это он с виду вроде бы обыкновенный старикашка, а что у него было в душе – одному богу известно. У таких обычно всё хорошо спрятано. Небось где-нибудь в стене тайничок устроил. А может, и под полом».

Борис всё осмотрел и на миллиметровке составил детальный план квартиры. Разноцветными фломастерами он вынес самые перспективные места, где, по его мнению, можно было найти этот тайник. Красным цветом на нём были обозначены кабинет, ванная, туалет и кладовка. Их он считал объектами первоочередных поисков. Кухня и большая комната были обведены синим фломастером. Коридор – желтым. На него, как на объект третьей очереди, он надежд не возлагал. Прятать там было негде: мебели нет, стенки тонкие, пол на самом ходовом месте – вскрывать его мог только совсем ненормальный. На другой план, как он сам его назвал, – пообъектный, Борис нанес все, что находилось в каждой комнате. Здесь была показана мебель, коробки и разный хлам.

Поиски он начал в кабинете. По его расчетам получалось, что тайник должен быть в столе или в диване.

«Возле этого стола дед почему-то всё время крутился. Такое впечатление, будто он что-то писал. Как ни придешь – он все время за столом с ручкой. Может, мемуары писал?»

От этой мысли Борису стало смешно.

«Ну, какие у бывшего кадровика могут быть мемуары? – сев в кресло, размышлял Борис. – А может, на кого-нибудь досье строчил? Появилась возможность – вот и решил стукнуть. Ну, тогда он слишком часто стучал. За то время, которое он тут живёт, уже давно можно было всех жильцов заложить. Да только сейчас вроде времена другие. Кому теперь нужен его бред? Если бы он еще стучал на какого-нибудь кандидата в депутаты или на тех, кто выдвигается на высокий пост, – тогда другое дело: тут любой компромат сгодится...»

На площадке во дворе шумели дети... Соседка с верхнего этажа позвала сына домой. Вовка попросился еще погулять, но мать настаивала на своем. Как только Борис переехал, этот мальчишка сразу стал здороваться. Сколько бы раз он его ни встречал, Вовка всегда говорил «здрасьте». Вначале Борису это нравилось, а потом изрядно надоело, однако мальчишка, как загипнотизированный, всякий раз, увидев дядю Борю, спешил его поприветствовать. В чём дело – Борис долго не мог сообразить и только недавно у него мелькнула смутная догадка: по-видимому, Вовка был без ума от его подержанной иномарки. Борис покатал мальчишку и даже посадил за руль. С той поры дядя Боря уже не казался ему инопланетянином. Вовкина мама снова позвала сына домой. Вовка что-то обиженно буркнул, и вскоре во дворе установилась тишина.

Походив вокруг письменного стола, Борис снова сел в дедово кресло. В голову лезли всякие мысли, но ничего нового он не придумал. Облокотившись о стол, он подпер голову руками и закрыл глаза. В такой позе мыслителя Борис просидел довольно долго, потом резко вскочил и начал из стола вытаскивать бумаги. Их оказалось намного больше, чем он рассчитывал увидеть. Зазвонил телефон. Пришлось всё бросить и бежать в коридор. Звонила Ольга, его давняя подруга. Они уже давно встречались, любили друг друга, однако до свадьбы почему-то дело не дошло.

– Ты так потеряешь клиентуру или тебя купит Ашот, – ровным звучным голосом говорила девушка. – Ещё пару раз раньше времени закроешься, и твои посетители будут ходить

к другим. Как ты не понимаешь: нужно быть надежным партнером, – давила на него Ольга. Она словно хотела подчинить его своей воле. – Надо работать, а не бегать по бабам. Опять, наверное, Нина?

«Во дает, – про себя подумал Борис. – Она мне ещё никто, а уже думает о моей клиентуре. Дай ей повод, так скоро будет и мои денежки считать. Ревнует к Нине».

Но ничего этого он говорить не стал, а сказал, что её любит, и назавтра назначил свидание.

Стол был основательным двухтумбовым сооружением из красного дерева с массивной столешницей. Сверху её покрывало зеленое сукно, которое с торцов подвели под темные мореные рейки с горизонтальными бороздками. Помпезность и некоторую торжественность столу придавали красивые резные накладки, закрепленные спереди и по бокам. Они были выточены из целых кусков дерева и покрыты морилкой. Стоял бы этот стол на выставке или в просторном кабинете большого начальника, а не в квартире пенсионера, наверное, смотрелся бы еще богаче. Сколько тут этот стол, Борис не помнил. Ему казалось, что он тут был всегда. Под стеклом ещё сохранились разноцветные бумажки деда и прошлогодний календарь.

В нижнем ящике стопками лежали разные папки. Были здесь скоросшиватели и обычные папки с цветными тесемками, каких хватает в любой конторе. В них Борис нашел разные бумаги. Сколько он ни смотрел – все они каким-то образом относились к работе деда. На одной зеленоватой папке с длинными белыми тесёмками было написано: «Интересно, полезно, прочти». Внутри лежали пожелтевшие от времени вырезки из старых газет. На каждой рукой деда была указана ссылка на издание. Судя по ним, здесь были даже статьи из якутских и магаданских изданий.

«Непонятно, где он их находил? – разглядывая старые вырезки, думал Борис. – Так же просто на улице они не валяются. Значит, даже газеты выписывал? Зачем ему это понадобилось?»

Почти все статьи были о разных экономических и политических курьёзах отдельных регионов страны. В самом низу лежали вырезки, рассказывающие о расстрелах советских заключенных в сталинских тюрьмах и лагерях. Попадались материалы и о массовых захоронениях граждан. Только в двух-трех статьях рассказывалось о расстрелах заключенных в подмосковном Бутово и в Ленинграде. Все остальные материалы освещали события, происходившие в лагерях Северо-Востока страны, – на так называемой Колыме. Отдельные вырезки оказались затертыми. Было видно, что дед их читал по многу раз и с ручкой в руках. Кое-где он подчеркнул названия населенных пунктов и рек, которые, казалось бы, не несли главной смысловой нагрузки статьи, а упоминались только вскользь. Борис почему-то даже почувствовал, что некоторые дед знал не понаслышке.

Кто-то из соседей включил музыку. Старая песня в исполнении Майи Кристалинской, словно на крыльях, влетала в окно, напоминая жильцам о их молодости. Неожиданно заезженная пластинка, как буксующая на месте машина, застряла на полуслове, повторяя: «В нашем городе до... в нашем городе до...» Иголку проигрывателя переставили, и, проскочив какой-то невидимый глазу барьер, песня полилась дальше. Борис оторвался от бумаг и, развалившись в кресле, дослушал песню до конца.

Он несколько раз перелистал все материалы, рассортировал по темам и регионам. Среди них Борис выделил самые читаемые и с подчеркнутыми географическими названиями. Все данные он занес в тонкую ученическую тетрадку. И там же их разнес по нескольким колонкам. Результаты такого нехитрого анализа Бориса обрадовали. Лучше всего получилось с территориальной принадлежностью. Ему стало ясно, что деда больше всего интересовали сведения, касающиеся Северо-Востока страны. И особенно те, в которых освещались события, происходившие в Якутии и в Магаданской области. С определенной долей условности Борису даже удалось выделить район его приоритетных интересов. Получалось, что эта площадь нахо-

дится между реками Алдан и Индигирка. На физико-географической карте страны, висевшей на кухне, крайними пунктами этой горной местности значились два поселка – Хатырык и Устьярск. Их соединяла знаменитая Магаданская автотрасса. Других населенных пунктов на своей карте он не нашел. Даже по нынешним временам те места были пустынными и практически неосвоенными.

Судя по газетным статьям, дед был также равнодушен к публикациям о расстрелах заключенных. Почему-то больше всего ему нравились те места в публикациях, где говорилось о том, что заключенных убивали в голову.

В одной небольшой заметке Борис прочитал о бывшем охраннике, безжалостно расстреливавшем заключенных. Одному из них чудом удалось выжить, и вот много лет спустя он обнаружил эти факты и просил найти того палача.

Эта статья, видно, очень заинтересовала деда, и он подчеркнул целые абзацы. Такие наклонности старика показались Борису ненормальными.

«Да он, наверно, был маньяком. Ему нужна была кровь. Вот он её и искал даже в газетных статьях. А может, он сам когда-то также расстреливал? Надо будет поговорить с отцом, – складывая бумаги, думал Борис. – Он как-то говорил, что дед служил на Севере в охране. Да вообще-то и сам дед этого не скрывал. Значит, по молодости он точно эзков охранял».

Теперь Борис был абсолютно уверен, что его родной дед охранял заключённых на Колыме и даже, возможно, присутствовал при их расстрелах.

«Он почему-то никогда не рассказывал о своей молодости. Все его воспоминания начинались с военного времени. В основном он любил рассказывать о том, как был на фронте, как воевал. Все родные это хорошо знают, зато никто не знает, что же он делал до войны. Найти бы где-нибудь его личное дело. Уж там должно быть всё. А может, его уже нет? Нет человека, нет и его дела. Кажется, что-то похожее говорил “вождь всех народов”. Интересно, почему же всё-таки нет ни одной фотографии, где бы он был снят в молодости? Хоть посмотреть бы на него. Ну ладно, была война – не сохранились. А у родных? Кстати, а откуда он родом?»

Так, за своими мыслями, перебрав кучу бумаг, Борис дошел до серой папки. Внешне она выделялась только цветом. Никаких пометок и надписей. Среди лежавших там бумажек он нашел тонкую ученическую тетрадку. Несколько пожелтевших от времени клетчатых листов были исписаны рукой деда. С первого взгляда Борис их принял за списки ветеранов или очердников на жилье. Он уже хотел закрыть тетрадь, но в последний момент его что-то остановило. Борис перечитал ещё раз и понял, что в списке значились сослуживцы по армии. Первым там стоял его дед – Конев Борис Никитович. Кроме фамилии, полного имени и отчества здесь были указаны год и место рождения, воинское звание, адреса родных и партийность. В разделе «Примечания» возле всех, кроме деда, стояли какие-то непонятные отметки. Всего в списке значилось тринадцать фамилий. На следующей странице был ещё один список. По содержанию он существенно отличался от предыдущего и выглядел намного скромней. О внесенных в него людях никаких сведений почти не содержалось. После каждой фамилии стояли только цифры с дробью. До дроби везде они были одни и те же. Борис прочитал: «пятьдесят восемь». Зато после дроби шёл полный набор цифр, но больше всего – семерок и десятков. Попадались и пятерки с заглавными буквами вроде «ПШ», и шестерки, и одна двойка, стоявшая рядом с фамилией Раксалис.

«Интересно, что же это такое? – ломал голову Борис. – Цифры больно знакомые. Где-то я их слышал. Да-да, именно слышал. То, что не читал, – это факт. Слышал. Но где, где? Где я их мог слышать?»

В следующее мгновение его осенило.

«Так это же знаменитая пятьдесят восьмая “политическая статья!” А это, значит, список эзков. Вот они “враги народа”. И пункты у них известные: десятый – за контрреволюционную

деятельность, седьмой – за промышленное вредительство. Вот это да! Список эков. Откуда он здесь? Это же живая история».

Вначале он вызвал у Бориса полное недоумение, а потом всё встало на свои места.

В этом списке значилось двадцать восемь человек. Были в нем люди разного возраста: самый старший – 1888 года рождения, а самый младший – 1920-го. Разница в возрасте, как подсчитал Борис, немногим превышала тридцать лет. Фамилия одного – Дернова Ивана Лукича, уроженца Тульской области – почему-то была обведена, и в графе «Примечания» рядом с ней красовалось несколько вопросительных знаков. Возле всех остальных стояли такие же значки, как в первом списке.

«Что бы это значило? – рассматривая список, думал Борис. – Почему одинаковые отметки в разных списках? Одни – военнослужащие, другие – заключенные. Абсолютно разные категории людей, а галочки одни и те же. С Дерновым, кажется, понятней. То ли это “тёмная лошадка”, то ли о нём нет сведений. Зачем-то дед его всё-таки выделил. Видать, неспроста. Кстати, эти вопросительные знаки в примечании могли стоять ему жизни. Может, его хотели куда-нибудь отправить или просто поставить к стенке, вот кто-то, возможно, и сомневался: нужно ли это делать или нет? Интересно, как же все-таки сложилась его судьба? А что с теми заключенными, живы ли они?»

Борис до конца просмотрел эту дедову тетрадочку и внимательно изучил обложку. Он зачем-то даже помял страницы и посмотрел их на свет. Больше ничего он там не нашел. Но по каким-то признакам решил, что списки написаны относительно недавно: вероятно, не более двадцати лет назад. Получалось, что это было намного позже основных событий, которые, как представлял Борис, происходили до войны.

«Возможно, – предположил он, – дед всё переписал с каких-то клочков бумаги, а может, даже написал по памяти. Только зачем он это сделал?»

«Вот там, на Колыме, дед, видно, и хапнул золотишка, – пришёл к выводу парень. – Значит, всё-таки есть это золото. Должно оно быть, должно. Надо его только искать. Золото где-то рядом, совсем рядом»...

Глава 5

От бывшего лагеря заключенных – поселка № 7 по схеме шла тропа, упиравшаяся в озеро, которое лежало далеко в горах. По прямой до этого горного озера было километров пятьдесят. Вот по этой тропе Иван и должен был идти. Тропа начиналась у подножия склона в густых зарослях стланика. Дальше она полезла на гору и пошла по кустам, которые теперь росли прямо на некогда набитой дороге жизни. Тропа постоянно петляла и местами обрывалась. И тогда Ивану приходилось напрягаться, подключая все органы чувств. Он бросал рюкзак и, как гончая, носился по кустам, пытаясь подцепить оборвавшийся след. Иногда он даже елозил на корточках, исследуя каждый клочок земли. Особенно доставалось на заболоченных участках. А они были везде: в долинах ручейков, на пологих северных склонах, на высоких плоских водоразделах. Под ногами булькала вода, и при каждом шаге брызги разлетались в стороны, попадая и на лицо. Вот здесь Иван по-настоящему оценил Петрухины сапоги. Ноги до колен были сухими, не трепались и штаны.

Местами на болотах, как грибы на хорошей лесной опушке, возвышались кочки. Кое-где они сплошь заросли багульником и голубичником. С непривычки эти участки так выматывали, а на болоте ещё досаждали комары, в воздухе постоянно стоял натужный гул, напоминающий звук пролетающего самолета. Комары роем летели за Иваном, и стоило ему только остановиться, как они облепляли его с ног до головы, лезли в рот, в глаза, набивались в одежду. Не спасала даже мазь, на которую он очень рассчитывал. Скоро Иван понял, что эта мазь хороша только до первого пота и пользоваться ей надо с умом.

С каждым шагом идти становилось трудней. Лямки рюкзака врезались в плечи. Приходилось их оттягивать и подолгу поддерживать. Так, с поднятыми руками, Иван и шёл. Какое-то время это помогало. А рюкзак все тяжелел и всё сильнее прижимал к земле. Мысли Ивана теперь всё чаще закидывались на рюкзак, как будто он был главным виновником всех трудностей, как будто только он один мешал ему идти. Постепенно его стало одолевать состояние безразличия: всё, что его окружало, переставало интересовать. Точно он существовал сам по себе, вне окружения. От усталости притупилось внимание, и Иван все чаще спотыкался. Один раз рюкзак больно ударил по голове и придавил к земле. Накатили предательские мысли: хотелось всё бросить и повернуть назад.

«Домой, только домой. Нечего здесь делать. Зачем мне этот лагерь? Ещё сто лет бы я о нем не знал. Пока не поздно, надо повернуть назад».

Но эти мысли надолго не задержались. Осталась только злость на самого себя, на то, что так мало прошёл и что его еле держат ноги. Иван громко выругался и, поправляя рюкзак, тяжело встал. Ныла ушибленная рука. Он снова пошел. Однако вскоре Иван опять почувствовал всю тяжесть рюкзака и его «острые», режущие до боли лямки. Усталость одолевала, заполняя каждую клетку его тела, завладевая сознанием.

Иван перешёл ручей, и тропа уперлась в крутую скалу. Цепляясь за острые камни, он полез вверх – туда, где светило солнце. Руки заныли от напряжения. На какое-то мгновение нога потеряла опору, и Ивана прошибло холодным потом. Он почувствовал, что из-под рук выскальзывает камень. С трудом успел перехватиться. Преодолевая боль, он подтянулся и вылез на ровную площадку, заросшую высокими лиственницами. Здесь было прохладно, обдувало легким ветерком. Между деревьями буйствовал редкий стланик. Под ним он увидел бордовые бусинки брусники, разбросанные по земле. Брусника перезимовала под снегом и будто снова ожила. Иван, бросив рюкзак, жадно ел ягоды.

Брусника уняла жажду, стало легче. А тропа, как ломаный график, то взбиралась на какую-нибудь безымянную вершинку, то прыгала на дно глубокого распадка.

На берегу ручья, зажато с обеих сторон отвесными скалами, Иван остановился на привал. На перекатах ручей клекотал, облизывая пёстрые валуны, на ровных отрезках – замирал. И тогда он походил на спокойную тихую речушку, протекающую где-нибудь по равнине, на речушку, каких немало на Руси. Иван напился воды и прилег на разноцветную гальку. Он почувствовал себя так легко, словно потерял притяжение и парил над землей, он парил на облаке, а под ним проплывали леса и горы. Вот он увидел избу и хотел там приземлиться, но облако понесло его дальше. Потом внизу показалась река, а за ней огромное озеро и много-много воды...

Очнулся Иван оттого, что замерз. Хотелось есть. Он стал разжигать костер. Спички ломались, не загоралась бумага, а загоревшись, тухла. Наконец костер запылал. Пламя лизнуло новенькую алюминиевую кастрюлю, Ивана обдало сизым дымком. К нему примешивался запах чистой родниковой воды и живой благоухающей тайги. Дым потянуло вниз по распадку. Его прогоняло, как по трубе, и он не успевал подниматься. Только вдали дым собирался лёгким сизым облаком, медленно поднимаясь вверх.

Чай получился таким густым и таким вкусным, какого он никогда ещё не пил. В кастрюле он казался чёрным, как деготь, а в кружке был темно-вишневого цвета. Иван, обжигаясь, выпил подряд три кружки и только после этого стал есть. Как-то незаметно полегчало, вернулись силы, и вместе с ними пришло ощущение реальности. Иван смотрел по сторонам, любуясь окружающими скалами, ручьем. Вокруг всё было так прекрасно, что он ощутил какое-то новое, ранее ему не знакомое состояние души. Иван невольно подумал, что такую красоту можно увидеть и даже почувствовать, только испытав трудности, только пересилив себя. Тогда весь мир воспринимается иначе.

«Вот это, наверное, и есть та красота, которая может спасти мир, – любуясь природой, подумал Иван. – Это настоящее счастье».

За день Иван думал дойти до реки и там переночевать. По его расчетам, там была середина пути между трассой и озером. На карте река называлась Лекуана, а на схеме Ивана значилась как Куана. Что-то общее угадывалось в этих названиях одной и той же реки. По-видимому, со временем кто-то его перефразировал или, недослышав, назвал по-другому.

Тропа пошла по обрывистому берегу реки. Иногда Иван слышал, как она шумит внизу. На перекатах виднелись белые барашки.

Только под вечер, когда солнце спряталось за гору, Иван подошел к самой реке. Долина здесь резко поворачивала на восток, и река уходила туда, где вдали виднелись высокие горы. В этом месте на карте была показана переправа. И неспроста: широкое русло здесь разделялось на два рукава. Каждое из них было намного шире и мельче основного. Правый рукав прижимался к противоположному берегу, и вода со всей мощью билась о скалы. От этого на реке стоял шум, похожий на шум большого водопада. Левое русло, на берегу которого стоял Иван, на перекате расширялось. Прямо посередине виднелась длинная коса. Она почти вплотную подходила к острову, разделявшему оба рукава. Коса показалась Ивану самым безопасным местом этой переправы, и он решил по ней дойти до острова, а потом уж переходить второй рукав.

Когда Иван вошел в реку, мощный поток мутной воды толкнул его вперед, и он едва устоял на ногах. Пришлось повернуть и пойти вниз по течению, прижимаясь к косе. До неё он добрёл без приключений. Здесь Иван развернулся и по косе пошёл вверх, к перекату. Косу слагали редкие валуны и мелкая галька, которые едва закрывала вода, поэтому идти было легко, и он быстро прошел этот отрезок. А вот дальше Ивана подстерегала неожиданность. Перекат был словно вымощен огромными валунами, которые с берега казались небольшими безобидными камнями. Как у айсбергов, у них виднелись только верхушки. Вокруг валунов водоворотами бурлила вода. Иван попробовал пройти между ними. Он сделал шаг и сразу оказался по пояс в воде. Сильное течение сбивало с ног. Вернулся назад. С трудом забрался на ближайший валун и хотел перебраться, прыгая с камня на камень. Вода захлёстывала валуны и закипала

прямо под ногами. Ивана обдавало брызгами. Это охладило его пыл: переходить тут реку было равносильно самоубийству.

Переправиться на остров ещё можно было прямо с косы, которую отделяла довольно широкая промоина. Преодолеть её можно было только вплавь. Не раздумывая, Иван вошел в воду. Холодная вода подхватила его и понесла по течению. Длинные резиновые сапоги сковывали движения. Иван оказался под водой. Из всех сил он грёб, пытаясь выплыть на поверхность. Тяжелый рюкзак тянул вниз, Иван сопротивлялся, как мог. В какой-то момент он зацепил ногой за камни, и его повернуло к берегу. С трудом он вынырнул и, глотнув воздуха, поплыл. Мешал объёмный рюкзак, Иван хотел было его сбросить, уже потянул за лямку, однако в последний момент передумал. Здесь было всё: продукты, снаряжение, карта. Потеря рюкзака означала бы конец его надеждам на эту экспедицию. Из последних сил Иван подгрёб к берегу и, схватившись за кусты, вылез на остров.

То, что он отсюда увидел, его поразило. Это русло было шире и намного мощней того. Казалось, что это один сплошной поток воды. Было слышно, как по дну несет камни. Их перекатывало и крутило, как песчинки. Только на середине виднелись редкие валуны, которые так же, как на перекате, едва выступали над поверхностью. Заходить в бурлящую реку Иван не решился. Дорога назад тоже оказалась отрезанной. Оставалось только одно: переждать, пока не спадет вода.

Иван разделся и остался в одних трусах. Так ему показалось даже теплей. Мокрую одежду разложил на берегу и развесил на кустах. В рюкзаке тоже всё вымокло, больше всего пострадали продукты, лежавшие сверху, и самое неприятное – намокли спички: и в кармане куртки, и в рюкзаке. После захода солнца заметно похолодало, снизу подул ветер. Холодом тянуло от реки. Прямо на берегу Иван сделал шалаш.

Проснулся Иван оттого, что под ним была мокро. Ничего не понимая, он вылез из шалаша. Вокруг вода. Уже не было острова, по которому он вечером ходил, не было валунов на реке, не стало и двух рукавов – проток. Только посередине могучей реки торчали кусты и небольшие пятачки земли. И здесь – в центре этого водоворота – сейчас стоял Иван. Вода прибывала с каждой минутой. Было видно, как она слизывала мелкие клочки земли, подбираясь к небольшим возвышениям.

Всё, что осталось от его снаряжения, Иван быстро затолкал в рюкзак. Надо было спасаться, река стала совсем непредсказуемой. Почти не оставалось никаких надежд на спасение. Правда, был ещё очень маленький шанс – поймать какое-нибудь дерево и на нём плыть к берегу. Но это очень рискованно – нужно было успеть до входа в каньон.

Иван решил ждать. Выбрал самый высокий бугорок, на нём соорудил кучу из валунов и плавника. Принес сюда рюкзак. Он потерял счет времени. От постоянного напряжения он даже забыл о еде, иногда его колотил озноб, и холодные мурашки пробегали по телу. А уровень воды всё поднимался. По реке несло коряги и целые деревья. Вот вода почти сравнялась с пятачком суши. Вода медленно подобралась и туда, лениво лизнув его сапоги, поднялась до щиколоток.

«Ну всё, отступать уже некуда, – стоя в воде, думал Иван, – если ещё поднимется, придется плыть».

Вскоре вода остановилась на одном уровне и постепенно стала спадать. На следующее утро Иван благополучно перешел реку.

Глава 6

После осмотра и перетряхивания старья, лежавшего сверху, Борис снова принялся за поиски дедова клада. Пришлось передвигать мебель. Он просмотрел и простучал задние стенки и все ниши, но ни к чему придаться не смог: все было сделано как следует. А вот в шкафу его внимание привлекло массивное основание. Чтобы лучше туда подобраться, Борис положил шкаф на пол, и он сразу занял полкомнаты. В основании шкафа друг на друге лежали две деревянные плиты.

– Вот козлы! Столько добра перевели, – не выдержал Борис. – Наверное, на мебельной фабрике одна оказалась лишней. Может, из-за таких, как они, раньше мебели не хватало.

Борис переключился на диван, и ему показалось, что заднюю стенку недавно приколачивали. Сердце ёкнуло.

«Вот оно! Свершилось! Я сейчас разбогатею».

Дрожащими руками он оторвал фанеру и добрался до пружин на спинке. На Бориса полетела пыль. Сверху пружины были перетянуты брезентовыми ремнями. Глотая пыль, Борис полез внутрь, перетряхнул всё содержимое, но, как он ни копался, – ничего не нашёл: везде было пусто. Этим он не ограничился и стал потрошить внизу. Больше всего досталось толстому слою ватина, лежавшему на пружинах. Чтобы добраться до днища, пришлось его снять. Ватин местами был протерт до дыр, а после его вмешательства превратился в жалкие лохмотья. Пострадали и пуфики. Внутри оказались только опилки и вата. Золота нигде не было.

«Куда же он его спрятал? Ну куда?» – ломал голову Борис.

Новое время пришло и в этот некогда элитный дом. Как бы ни хотели старые жильцы его остановить, сделать они этого уже не могли. Кто-то из новых «богатеньких буратин» купил здесь квартиру и теперь всю занимался её перестройкой. Было слышно, как где-то наверху сверлили и ломали стенку. В этом шуме и грохоте рождалось что-то новое. Старые стены и потолок одевались в красивые строительные материалы, каких раньше здесь не видели.

Следующей на схеме у Бориса была ванная комната. Здесь ему тоже пришлось повозиться. Из-под ванны он вытащил целый мешок хлама. Похоже, что там не убирали с момента постройки этого дома. Борис простучал кафель на стенах, и ему показалось, что звук одной плитки более звонкий. Это натолкнуло на мысль, что под ней может быть полость, в которой и находится тайник. Толстые стены этого дома вполне позволяли углубиться даже на полтора кирпича. По мнению Бориса, этого с лихвой хватило бы для того, чтобы спрятать всё состояние деда. Острой стамеской он обстучал вокруг плитки и попытался ее снять, но плитка сидела мертво. Пришлось её ломать. На пол полетели осколки и штукатурка. Однако конечный результат оказался плачевным: кроме вогнутой голой стенки, ничего там не было.

Чертыхаясь, Борис переключился на кладовку. В эту кладовку дед свалил всё, что когда-то стало ненужным. Это барахло копилось годами, дожидаясь своего времени, и вот оно пришло. Возле двух стен полки доходили до самого потолка. На них лежали чемоданы и какие-то коробки. Всё это он видел и раньше, но не обращал внимания: лежит тут, ну и пусть себе лежит.

Зазвонил телефон. Борис решил не подходить, но телефон долго и настойчиво его призывал. Звонивший будто знал, что Борис дома. Оказалось, это Нина.

С этой милой и красивой девушкой он познакомился в круизе по Средиземному морю. Не заметить её было невозможно. Она, как фотомодель, украшала теплоход. Все походило на сказочный сон – море, солнце и любовь... Казалось, что эта любовь на всю жизнь. Однако круиз быстро закончился, и вместе с ним почему-то ушла и его любовь. Борис снова стал встречаться с Ольгой, но Нина чувствовала, что ему нужна, и за него боролась, как могла. Временами Бориса она так доставала, что ему хотелось послать её ко всем чертям. Он собирался с ней разобраться, и каждый раз как будто кто-то его останавливал. Наконец он понял, что без неё

уже не может. Ему хотелось слышать звонкий голос этой длинноногой девчонки и выполнять её капризы. Запах её светло-русых волос преследовал его повсюду. Её стройное упругое тело снилось Борису по ночам. И сейчас, услышав голос Нины, он обрадовался, как мальчишка. Она приглашала его к себе, и Борис сразу согласился. Теперь перед ним стояла сложная задача – как в один день совместить оба свидания и при этом организовать всё так, чтобы не пересеклись пути обеих девушек.

Среди всех тюков и свертков, которые он снял с полки, выделялись два больших фибровых чемодана. Как добротные дубовые бочонки, они были стянуты деревянными обручами, а на уголках красовались никелированные накладки. Как догадался Борис, чемоданы были трофейными: с ними дед пришёл с войны. Сам не зная почему, Борис открыл чемодан, выглядевший намного проще и скромней.

«Сейчас таких, конечно, уже не выпускают, – перетряхивая его содержимое, думал Борис, – а в свое время они были самыми модными, самыми ходовыми. Такие же, как этот, теперь где-то валяются в отцовом гараже».

В чемоданах лежала потрёпанная одежда и рваная обувь. Китель без погон, галифе... А двубортный пиджак еще можно было бы поносить: он снова вошел в моду. Борис напялил на голову мягкую шляпу, которую вытащил из кучи тряпья, и пошёл к зеркалу. Своим видом он остался вполне доволен.

«Еще бы кольт и джинсы – и можно сойти за ковбоя».

В одном трофейном чемодане Борису попалась портупея и новенькая кобура от браунинга. Самого пистолета нигде не было, но на его возможное наличие указывал маленький мешочек с двумя обоймами патронов. Борис несколько бы не удивился, если бы нашел у деда трофейный патефон или подзорную трубу, но чтобы кобуру с патронами...

«Да, совсем непростой был дедуля. Очень непростой, – рассматривал патроны Борис. – Вот он сидел тут один, как рак-отшельник. Золотишко стерег. Ай да дедуля!»

В коробке, стоявшей в углу, Борис увидел кинжал. Это оказался немецкий штык-нож с длинным обоюдоострым лезвием.

Стемнело. В открытое окно ворвался протяжный – раздражающий сигнал машины. Он бил по ушам, выводил из равновесия. Кого-то упорно вызывали на улицу. Из соседнего окна закричала пожилая женщина. Её кто-то поддержал. В мгновение двор наполнился разногласными негодующими криками. Они заглушили звук машины. Сигнализировать сразу перестали. Борис про себя посмеялся и отошел от окна.

Чутье ему подсказывало, что нужно опять вернуться в кабинет деда и повторить всё сначала. Снова, как в первый раз, Борис начал с письменного стола. Сейчас он его полностью разгрузил и перевернул вверх ногами. В столе что-то зашуршало и как будто съехало с места. Послышался глухой удар.

«Вроде там пусто, всё содержимое лежит на полу. – Борис с недоумением посмотрел на стол. – Что же там стукнуло? Может, столешница? Она толстая. Толстая, толстая. Столешница толстая», – машинально повторял он одно и то же.

Под столешницей Борис увидел толстую фанеру. На первый взгляд она казалась одним целым с этой громадной столешницей, но, хорошо присмотревшись, Борис разглядел небольшую плотно закрывающуюся дверку, прикрепленную с краю. Она была так мастерски сделана, что если бы стол стоял на своих ногах, он бы её не увидел. Фанера закрывала нишу, в которой был тайник. Борис сунул туда руку и, покопавшись, вытащил завернутый в тряпку сверток и полиэтиленовый пакет. В свертке он нашел пистолет, а в пакете – толстую тетрадь.

Глава 7

После прошедшего паводка с самого утра, как и накануне, засветило жгучее солнце. Оно припекало, и жара стала донимать Ивана. Слышался тихий шум реки. Возле воды пахло водорослями и малосольными огурцами. Да, именно ими. Иван в этом был уверен. Этот, знакомый с детства, запах, ни с чем другим он спутать не мог. Ветерком приятно обдувало и сносило надоедливых комаров. Возле реки они летали тучей, и, если бы не ветер, то от них бы не было покоя. С берега доносило запахи разнотравья, к которому примешивался тонкий аромат хвои.

О паводке напоминали завалы из плавника и сломанных деревьев, лежавшие по всему берегу. Наворотило и на острове. Большой завал образовался выше того места, где пережидал Иван. Везде – огромные тополя с вывороченными корнями. Освободившись от воды, зеленели кусты тальника и голубичника. Над ними порхали разноцветные бабочки, щебетали желтогрудые птицы. Насколько высоко поднималась вода, сейчас можно было определить по высоким кустам, на которых ветерком раздувало зацепившиеся травинки. Иван палочкой измерил расстояние до уреза воды, получилось больше полутора метров.

Рюкзак заметно полегчал: у него унесло часть одежды и поубавилось продуктов. Кроссовки и тяжелый прорезиненный плащ Иван спрятал на берегу. Из рюкзака он вытащил ракетницу и на длинном шнурке привязал к ремню. Поначалу Иван помучился с Петрухиными портянками, а потом приспособился и о них совсем забыл. Портянки оказались на удивление новыми.

С высокой речной террасы открылся необычный вид. Вдали виднелись горы, а перед ним лежала огромная межгорная впадина. Ничего здесь не напоминало о тех горах, где он недавно шел. Скорее всего, это место напоминало предгорье какой-нибудь горной системы. Здесь сходились две реки: Лекуана, по которой он пришёл, и Курунг. Лекуана поворачивала на восток, а его путь лежал на север, в верховье Курунга.

Возможно, в этом месте когда-то протекала одна большая река, которая несла свои воды туда, где теперь были истоки Курунга. Но в результате катаклизмов, произошедших когда-то в горах, она изменила свое русло и потекла в другую сторону, пропиливая горный хребет. Итогом этих подвижек и стала лежавшая перед Иваном межгорная впадина. Теперь там, где когда-то стояли горы, росли громадные лиственницы и тополя. Со всех сторон их закрывали горы.

Вдали Иван увидел ровные просеки, стрелами рассекавшие впадину. И если бы не их исключительная прямолинейность, то можно было бы подумать, что это аллеи какого-то большого парка. Эти просеки не смогли даже остановить ни тайга, ни болота. Вековые деревья, попадавшиеся на пути, оказались поверженными. Через одинаковое расстояние на просеках стояли штаги, которыми были обозначены пробуренные поисковые скважины.

Иван спустился с террасы и увидел следы трактора. На глине и гальке выделялись четкие отпечатки. Их не брал ни дождь, ни снег. Давно уже не было того трактора, а следы остались. Иван считал эти места почти необитаемыми и был готов ко встрече с медведем, лосем, человеком, но чтобы трактор...

Он пошел дальше и вскоре вдали на берегу реки увидел длинный навес и стоявший рядом трактор. Видно, тот самый. Его наполовину разобрали, и теперь он представлял гору металла с первоначальными очертаниями. Возможно, так и не сумев поставить трактор «на ноги», хозяева его бросили. Здесь же, под навесом, лежали ящики с запчастями и стояли бочки с маслом. Многие запчасти ещё были в смазке, и можно было подумать, что их только привезли с завода. Запчастей было так много, что их, может, хватило бы ещё на один такой же агрегат. Как определил Иван, здесь стояли геологи, проводившие разведку россыпи. Снабжали их хорошо, а когда закончили работу, оказалось – все железки дешевле бросить вместе с трактором, чем вывозить вертолёт.

От базы куда-то в сторону Лекуаны шла дорога. Иван повернул на север и по бездорожью пошел по Курунгу. Отсюда до истоков этой реки оставалось меньше половины пути. Судя по карте, её долина была широкой, а река полноводной. Курунг брал начало в большом горном озере со странным названием Мук-Мак, которое лежало на плоском водоразделе горной системы. Несколько безымянных озер поменьше, полукольцом окружавших это озеро, располагались уже по другую сторону этого водораздела. На одном из этих озер рыбачил Ключков, но на каком, Иван почему-то не спросил у вахтовиков, и теперь ему оставалось только догадываться и рассчитывать, что его зимовье действительно пройти невозможно.

Вначале Иван шёл по берегу реки, вместе с ней повторяя её выкрутасы – закрученные меандры. Потом приспособился и стал срезать. Этим он прилично выигрывал в расстоянии. Правда, местами попадалась непроходимая чаща или глубокие промоины, и кое-где ему приходилось обходить, накручивая лишние километры.

Вскоре лес кончился, и пошли заболоченные участки с высокими кочками, похожими на те, какие он встретил в первый день пути. Иногда попадались какие-то тропы. Возможно, они были звериными, а может, их набили люди.

Чем выше Иван поднимался, тем сильнее менялась растительность. Постепенно совсем исчезли тополя, низкорослым стал тальник. В долинах пошли густые заросли кустарника. Даже березка стала прижиматься к земле. На опушках кое-где цвёл иван-чай, встречалась пижма. Тропа иногда подходила к подножию склона и шла по камням, потом резко спускалась вниз – к сбежавшему с гор ручейку. Незаметно долина Курунга стала расширяться. Лес отступал, и появились большие открытые места. По дороге Иван все высматривал золотой корень, о тонирующих свойствах которого был слышан давно, но растений с небольшими мясистыми листьями и желтыми цветами, собранными в соцветие, не попадалось. Может, он плохо смотрел, а может, места были не те.

Как-то незаметно Иван подошёл к большому заболоченному участку. За ним вдалеке он увидел холмистую местность, на которой начинался водораздел. На болоте голубыми глазками зацвели ирисы. Узкие, совсем хиленькие ручейки, петляя, прорезали широкую долину. Местами они глубоко врезались, образуя крутые обрывистые берега, и Ивану даже приходилось их покорять. Такая ходьба его измотала, пот катился ручьем. Иван наклонился и с жадностью стал пить, холодная вода обжигала, ломило зубы. Когда напился, полегчало.

Обрывистые берега скоро кончились, и река разлилась по всей долине, заросшей мелким кустарником, из которого торчали круглые кочки. Между ними текла вода. Чтобы не провалиться, Ивану приходилось рассчитывать каждый шаг. С трудом преодолев это пространство, он вышел на опушку леса и попал на тропу. Её так утоптали, она так хорошо выделялась, что можно было подумать – по тропе постоянно ходили. Но кто?

В стороне от тропы он увидел какое-то странное строение, стоявшее на четырех столбах. Оно походило на тот навес, который он встретил на бывшей базе геологов, только покороче и намного выше. Иван оставил на тропе свой рюкзак и пошёл прямо к навесу. Ветерок донёс какой-то гнилой запах. Как ему показалось, пахло тухлым мясом. Запах был таким зловонным, что Иван уже хотел отказаться от своей затеи и повернуть назад, однако любопытство победило. Уже ближе Иван увидел, что наверху стоят две большие кастрюли и охотничья печь. Это странное строение перекрывали тонкие неошкуренные бревна. Они потемнели от времени и казались покрашенными. Зато столбы так белели, точно их обстругали и покрыли лаком. Теперь Иван догадался, что это лабаз. Издавна охотники и рыбаки на таких нехитрых сооружениях оставляли в тайге продукты и разное снаряжение, спасая их от медведя или россомахи, слывших любителями острых ощущений.

Иван уже почти подошел к лабазу, когда земля под ногами закачалась, и он с шумом провалился вниз. Пролетев несколько метров, упал на мокрую землю. Сверху посыпались ветки и мусор. Болью прошибло, как током. Болело ушибленное плечо. Сверху в узкое отверстие

между свисающими ветками попадал тусклый свет. Иван встал и осмотрелся. Это была квадратная яма, напоминающая шурф, высотой метра четыре и с гладкими вертикальными стенками. При желании здесь можно было даже изучать разрез пород – так чётко выделялись разные слои. Никаких сомнений у Ивана не было – это ловушка. Такие ямы обычно копали где-нибудь на тропе – там, где ходили звери. Теперь Иван понял, почему так сильно пахло тухлятиной. Тот, кто выкопал эту яму, думал поймать медведя. Расчет был точным. Медведь проявлял любопытство к лабазу, и ему здесь приготовили подарок – испорченное мясо. Для медведя это было лучше любого лакомства, и, почуяв, он должен был сюда прийти.

Как-то нужно было выбираться наверх, и Иван стал ковырять гальку. Цепляясь за выступающие камни, он добрался почти до половины. Неожиданно камень выскочил из стенки, и, потеряв равновесие, Иван полетел вниз. Он опять упал на то же плечо и теперь почувствовал острую боль в руке. Иван попытался её поднять, рука плохо слушалась. Положение его стало совсем незавидным. От отчаяния Иван выстрелил. Гроном ударило по ушам. Он увидел вспыхнувшую ракету.

«Кто же сделал эту ловушку? И главное, когда? – ломал голову Иван. – Если недавно, то могут прийти проверить, а если давно, то дело плохо».

Он выстрелил ещё раз.

Вечерело. В яме было сыро, и Иван стал замерзать. Нужно было что-то придумать. Решение пришло само собой. Левой рукой Иван стал копать ступеньки на двух сопредельных стенках возле одного угла. Он прикинул, что так будет легче залезать наверх. Копать было неудобно, и дело продвигалось очень медленно. Перочинный нож явно был не предназначен для этой цели – короткое лезвие плохо ковыряло гальку. Медленно Иван скребся вверх. От напряжения дрожали ноги в коленях, ныла рука. Иван так устал, что в какой-то момент почувствовал – если сейчас не передохнет, то на следующую ступеньку уже не поднимется. Хотелось есть.

Временами его колотил озноб, в голову лезли всякие мысли. Он вспомнил детство, свой дом, потом его мысли заиклились на Ирине. Перед глазами прошла их первая встреча. Он увидел, как несёт ей цветы, и они счастливые бегут на концерт. Его кареглазая русоволосая красавица заканчивала медицинский и без пяти минут была врачом. А встретились они года три назад, когда институт заканчивал Иван.

«Так быстро пролетело время, не успел я оглянуться, как Ирка повзрослела и стала очень красивой. А может, она и раньше была такой, да только я не замечал?»

Перед отъездом они первый раз поругались, и Иван уехал, не простившись. Теперь его мучили угрызения совести: он почувствовал себя виноватым. Только сейчас он по-настоящему понял, что её любит и она ему нужна.

– Почему я ей тогда ничего не сказал? – как во сне бормотал Иван. – Почему? Чего испугался? Нет, я ничего не боюсь. Ничего. А может, всё-таки я испугался?.. Конечно, я боялся ответственности. Если бы я ей сказал, что люблю, тогда пришлось бы на что-то решаться. Скорее всего, надо было бы жениться. Женитьба... А как тогда аспирантура? Иришка тогда ждала моего решения, а что я мог сказать? Ничего... Всё же она от меня почему-то не ушла. Интересно, почему? Ведь я же её предал, я поступил, как последний пацан. Значит, она меня любила. Как я этого не понимал. Нет, я всё знал, но ничего не делал, я её использовал. Думал, что всё само собой решится. Вот дурак! Надо было самому принимать какое-то решение. У Иришки ведь до меня были ребята, но полюбила она меня. Меня, меня...

Думая об Ирине, Иван забылся. То ли во сне, то ли наяву он услышал, что его кто-то зовёт. Где-то лаяла собака. Неожиданно её лай раздался прямо над головой. Иван открыл глаза. Сверху на него смотрел бородатый мужчина в зеленой камуфляжной шляпе, серая собака рычала, так рычат на дикого зверя, попавшего в ловушку. Бородач прикрикнул, собака успокоилась.

– Эй, друг, ты жив? – наклонившись, крикнул он Ивану.

Тот кивнул.

– Ну, слава богу! Лови веревку.

В яму полетел толстый капроновый фал.

– Не могу, рука болит, – Иван показал на руку. – Я сам не выберусь.

Бородач принес две лесины и положил их поперек ямы. Между ними осталась веревка.

– Ты обвяжись вокруг пояса, а я потихоньку буду тащить. Потом перехватишься за жердь.

Главное, спокойно и без резких движений.

С трудом бородач его вытащил. Сразу подскочила собака. Она угрожающе зарычала.

– Чара, назад! – крикнул хозяин. – Нельзя!

Бородач был ростом с Ивана, поджарый. В нём чувствовалась сила и уверенность в себе.

По его серым глазам Иван увидел, что он молод. Черная борода делала его солидней, но совсем не старила. Спаситель Ивана был в полинявшем брезентовом костюме и в коротких резиновых сапогах. К камуфляжной шляпе была пришита сетка, которую он отвернул назад. Иван подумал, что эта шляпа служит ему накомарником. На плече у бородача висела двустволка. Как определил Иван – это был «зауэр». Похожее ружье он видел у своего приятеля в Москве. Досталось оно ему по наследству от отца, и тот им ужасно гордился, но из этого ружья ни разу не стрелял.

– Зашибся? – спросил бородач.

– Рука... – Иван не договорил и невольно застонал.

– Понятно. Ну, считай, – тебе повезло. Ты просто в рубашке родился. Мог насмерть разбиться. Глубокая яма.

Рукавом он вытер пот с лица и, сняв шляпу, пригладил свои светлые волосы. Короткая стрижка ему очень шла и молодила.

– Не говори, – сразу поддержал его Иван. – Думал, не вылезу. Глубо-о-кая. – Последнее слово он сказал протяжно, вкладывая в это что-то своё. Скорее всего, он ещё не мог осознать, что уже наверху и теперь ему ничего не грозит.

– Это моя яма. Я выкопал, – сказал бородач. – Тут, понимаешь, медведь шатается.

– Ну ты даёшь! – только и произнес Иван. От неожиданности он растерялся и не знал, то ли ему ругаться, то ли смеяться.

– Прости. Понимаешь, не думал, что тут люди могут оказаться. Не сезон – сейчас здесь делать нечего. Просто хотел поймать медведя. Я давно его пасу. Хитрый чёрт, всё время от меня уходит. Вот собирался завтра проверять, но как выстрел услышал, сюда рванул. Почему-то сразу подумал, что с кем-то беда.

Возле ног бородача вьюном крутилась лайка. Она была такой красивой, что Иван не сводил с неё глаз. На светло-серой груди выделялся белый передничек. Такими же белыми были и задние лапы. Собака заискивающе смотрела на них обоих и как будто говорила, чтобы они не ссорились.

– Ну ладно, давай об этом забудем, – сказал Иван примирительно.

Бородач оказался тем самым Николаем Клочковым, которого он хотел встретить. Николай взял его рюкзак, подхватил ружье, и они пошли к зимовью.

Глава 8

Борис осмотрел браунинг. Он вытащил обойму с патронами, взвел затвор и, как в американском боевике, взяв пистолет двумя руками, нажал на курок. Раздался тихий щелчок. Это он повторил еще несколько раз. Пистолет работал безотказно. На свету он холодно играл вороненой сталью. Чувствовалось, что хозяин за ним следил и содержал в полном порядке. Вдоволь наигравшись, Борис отложил пистолет и принялся за тетрадь.

Внешне ничем особенным она не выделялась: обыкновенная общая тетрадь в черном коленкоровом переплете, похожая на те, в каких пишут школьники и студенты. Да и мало ли у кого еще могут быть общие тетради. Но одно то, что она лежала в тайнике рядом с пистолетом, заставляла Бориса отнестись к ней с особым вниманием.

В открытое окно ветром загнало холодный воздух. Запахло свежестью и листвой весеннего леса. Было слышно, как на улице мяукает кошка. Временами она неистово кричала. Борис высунулся в окно и, недолго думая, запустил старым дедовым ботинком. Под окном сразу установилась тишина.

Борис пролистал тетрадь. Она была полностью исписана мелким не очень разборчивым почерком деда. С первого взгляда, судя по объёму текста, эту тетрадь можно было принять за конспект трудов классиков марксизма-ленинизма или лекций по общественным дисциплинам, каких в студенчестве Борис тоже написал немало. В тетради были поля, и нигде ни одна буква за них не вышла. Не было здесь и помарок. Но больше всего его удивило то, что в тетради не было ни одной заглавной буквы, ни одной красной строки – только сплошной текст. Если бы ни разные чернила и разный нажим пера, можно было бы даже подумать, что всё написано на одном дыхании. На самом деле текст состоял из небольших кусков, написанных явно не за один присест. Ведение этой тетради показалось Борису довольно оригинальным. Даже если один текст заканчивался в конце строки, новый всё равно продолжался там же. Такую необычную запись в тетради, когда там ничего не выделено, можно было бы объяснить стремлением сэкономить бумагу. Это было бы вполне оправдано, когда у человека не было средств купить новую тетрадь или же их не продавали. Однако, зная деда и то время, в которое он жил, в этом можно было усомниться.

«Скорее всего, дед преследовал другую цель, – разглядывая текст, решил про себя Борис. – Не привлекать к тетради лишнего внимания».

Два абзаца в тетради всё же получились. Возможно, они были сделаны случайно и, чтобы ничего не выправлять, оставлены. Хотя не исключено, что дед не выдержал и умышленно выделил эти места. Внимание Бориса привлек последний абзац. Начинался он со слова «золото».

Для Бориса это слово значило очень много – это было то, что он так рьяно искал, из-за чего затеял эти поиски, перевернул весь дом и всё ещё не мог остановиться. С помощью этого золота можно было многого добиться в этой жизни, главное – поправить своё материальное положение.

«Золото поначалу пошло неважнецкое, – с трудом разбирая дедов почерк, читал Борис. – После каждой промывки осужденный Баринов, числившийся десятником, снимал с бутары всего несколько грамм. Большею частью золото было мелким и каким-то угловатым с исчерканной или шероховатой поверхностью. Песок да песок. Скажи мне кто-нибудь раньше, что это золото, я бы поднял его на смех...»

– Ёлки-палки, – испуганно пробормотал Борис, – это же дневник деда. Похоже, что он вёл дневник. Вот это новость! Может, здесь написано, куда он его спрятал?

«Десятник мне всё время говорил, что к самому месторождению мы еще не добрались, но оно должно быть где-то рядом. Золотоносной породой могут быть выходы скальных пород или кварцевые жилы. Короче, как я его понял, надо искать рудные тела. Вообще этот Баринов

доверия мне не внушал. Отчасти виной тому была его непролетарская фамилия, но корень зла заключался всё же в другом. Осужден он был за антиреволюционную деятельность. По своей натуре мужик он вроде бы так ничего себе, но такой шибко грамотный, самоуверенный весь из себя и говнистый. Словом, белая кость – вот кто такой Баринов. Лапши он мог навесить хоть на оба уха. Тут уж плёл он так, как бог на душу положил. По происхождению Баринов был выходцем из старых питерских интеллигентов, горный инженер по образованию. Я потихоньку стал его контролировать на случай утайки и хищения драгоценного металла. Мне совсем не нравилось, как он наладил промывку песков и добычу золота. Всё время я думал, что металл уходит вместе с породой в отвал. Или, попросту, мы его теряем. Приставил я к нему для порядка своих осведомителей Ваську Филина и Ивана Лободу. Приказал, чтобы ни шагу от него, полный контроль за каждым движением. Даже в сортир чтобы, и то вместе. Думал, что если попадется Баринов, то пушу его в расход: нечего со мной в бирюльки играть. Расстреляю собственноручно как последнюю собаку. Я был просто уверен, что золото он умышленно не домывает. А это, значит, вредит всей нашей стране, не хочет, чтобы мы жили лучше. Получается – этого врага народа не исправил даже лагерь. Таким дорога одна... А как его проверишь? Он был грамотным и так мог прикрыться – комар носа не подточит. Ковырни я его раньше времени, можно уйти несолоно хлебавши. Потом он бы надо мной ещё и посмеялся. Я долго думал, как его вывести на чистую воду, и придумал: промытую породу надо ещё раз промывать. Думал, если есть там золото, то оно себя покажет. Его не спрячешь – оно обязательно вылезет при повторной промывке. Когда мы стали промывать отработанные отвалы, десятник как будто бы даже и не удивился. Говорит мне, что он и так проводит контрольное опробование, да только не так часто, как я заставил это делать. По результатам этого своего опробования он как будто бы вносил какие-то поправки при промывке и таким образом добивался полнейшего извлечения металла. Действительно, в промытой породе золота мы не поймали. Ничего не скажешь, чисто было сработано: весь металл мы, оказывается, выбрали. А сам же он мне об этих своих хитрых штучках никогда не говорил. Что он делает, как делает – молчок. Вот что значит тихушник. Такие люди всё прячут, лишнего слова из них не вытянешь, но все себе на уме. Вот это и есть контра! Словом – это не наш человек, не наш. Давить таких гадов надо...»

Почерк тут стал неразборчивым. Было видно, что рука писавшего дрожала. Возможно, от накалившей злобы или по другим причинам дед остановился, перестал писать.

– Ладно, это все не то, – бубнил Борис, разбирая дедову писанину, – процесс добычи мне не нужен. Мне бы готовый результат. Сколько же они его намыли? Где это? Где?

Он быстро перелистывал тетрадь, бегло читая отдельные строчки. Там рассказывалось об организации лагеря, о строительстве какой-то бани. Словом, о чем только ни писал дед, только не о золоте. Борис уже стал нервничать. Такое подробное описание его сейчас не интересовало и уже начинало раздражать. В этой тетради он сейчас искал только подтверждения своих предположений и ответа на беспокоивший его вопрос: где же золото?

Кабинетные часы пробили два. Борис их отремонтировал, и с его приходом в этот дом вошла новая жизнь. Дом ожил. В этом было что-то символичное: часы стали отмерять другое время – отпущенное ему. Борис выглянул в окно. На улице было тихо и безлюдно. Город погрузился во тьму. Только в соседнем доме напротив светились редкие окна. Сквозь трепетавшие на ветру листья высоченных тополей виднелись ярко сверкавшие звезды.

Дед, видно, по памяти написал о событиях давно прошедшей молодости, поэтому его записи больше походили на мемуары, чем на дневник. В одном месте взгляд Бориса снова остановился на слове «золото». Написано было так неразборчиво, что только с третьего раза Борис понял смысл. Там говорилось о том, что максимальные по содержанию навески золота десятник намыл из породы, принесенной со склона высокой горы. Она возвышалась в нескольких километрах от их лагеря и спускалась в узкий распадок. Выше этот склон всюду зарос густым

стлаником и высоким кустарником тальника и ольхи. Именно там нашли это золото. Пришлось вырубить все кусты и полностью его очистить.

«Тут осужденные пахали у меня от темна до темна, – писал дед в тетради. – Никаких поблажек я им не давал. Гоняли мы их, как бешеных собак. Доставалось и охране. Я их заставил навсегда забыть о каких-либо дружеских отношениях с заключенными и не давать им передышку. Все они враги народа, – внушал я им ежедневно, – и к ним соответственно и надо относиться. У некоторых это отложилось хорошо, и они старались, как могли. А были среди охраны и жалостливые. Тем я быстро крылышки подрезал, боролся с ними всеми силами. Я их наказывал так же, как зэков, объявлял наряды, сокращал паёк. И только после такой воспитательной работы они тянули эту лямку, как надо. Весь склон горы десятник разбил на небольшие квадраты. Из центра каждого квадрата заключенные отбирали по несколько мешков породы и сносили ее вниз на промывку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.